

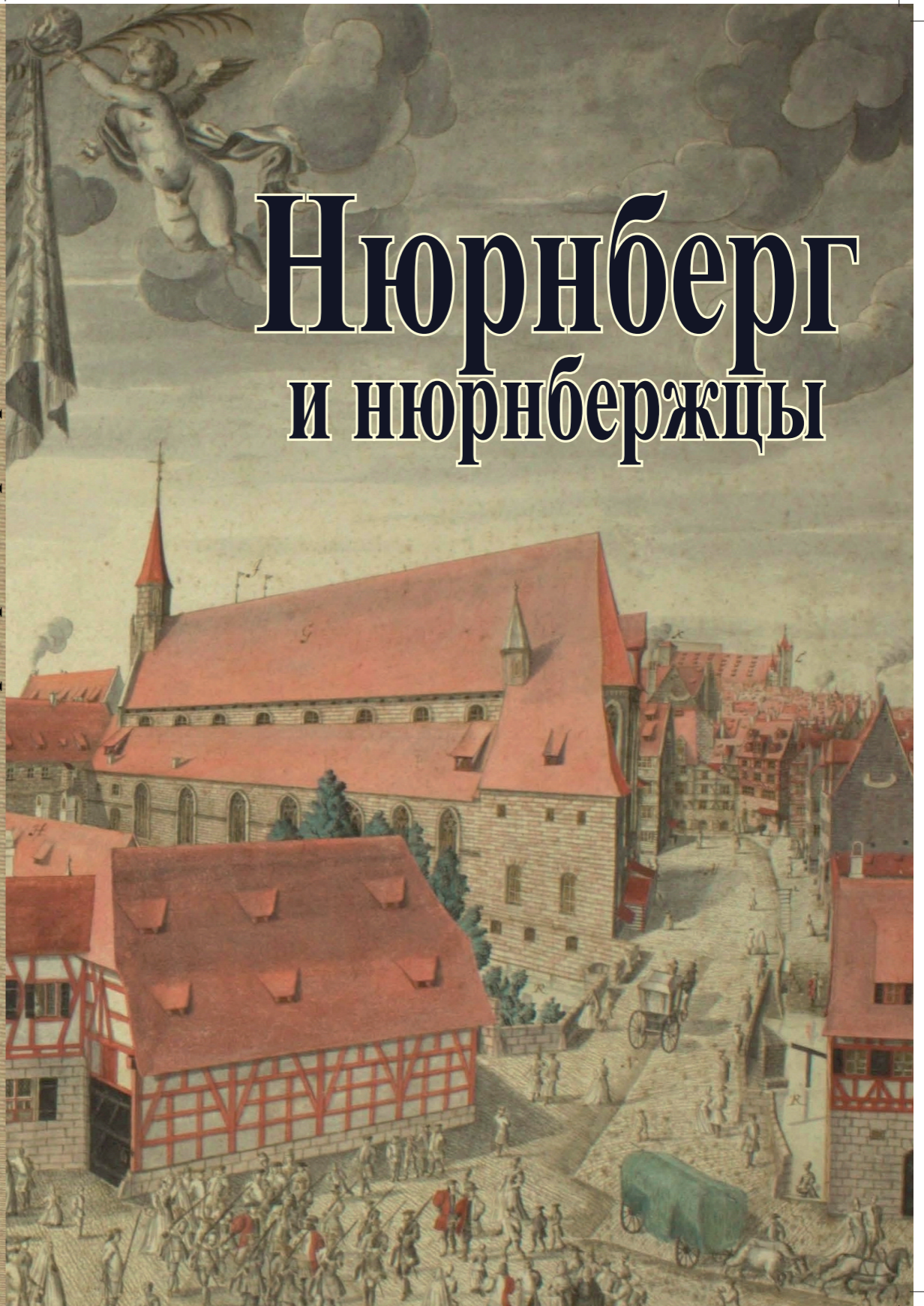
Нюрнберг. Вид из тюремной камеры. Рисунок пером берлинца Христиана Людвиг Каулица, картографа и мошенника. В 1721 году он был схвачен в Нюрнберге, приговорен к пожизненному заключению и помещен в тюрьму в башне у Госпитала Святого Духа.

9 783000 489990
ISBN 978-3-00-048999-0

Нюрнберг и нюрнбержцы

В. Соколова

Нюрнберг и нюрнбержцы

Валерия Соколова

Нюрнберг и нюрнбержцы

*Почти тысячелетняя история города
в сагах и рассказах, воспоминаниях и письмах,
в старых гравюрах и фотографиях*

© Ekaterina Müller Medienagentur & Übersetzungsbüro

Valeria Sokolova
Nürnberg und Nürnberger
Nürnberg: Ekaterina Müller Medienagentur & Übersetzungsbüro, 2015

© 2015 Ekaterina Müller Medienagentur & Übersetzungsbüro, Nürnberg

3. vermehrte und verbesserte Auflage
Alle Rechte vorbehalten
Lektorat: Elena Khvalensky, Israel

Umschlag – Christian Ludwig Kauliz „Ansicht des Heilig-Geist-Spitals“, 1744.
Altstadtplan, Seite 190–191 – Pablo de la Riestra, Nürnberg

Historische Fotos bzw. Kopien der alten Graphik wurden mit Genehmigung des Stadtarchivs und der Stadtbibliothek Nürnberg, des Germanischen Nationalmuseums sowie der Graphischen Sammlung bei der Stadt Nürnberg (Museen der Stadt Nürnberg) verwendet.

Printed in Germany, 2015
VDS VERLAGSDRUCKEREI SCHMIDT, 91413 Neustadt an der Aisch

ISBN 978–3–00–048999-0

Посвящаю моим сёстрам и всем моим друзьям, вдохновлявшим и поддерживавшим меня несколько лет при подготовке этой книги.

Большая благодарность Г. Елагиной, Н. Ершовой, Е. Хваленской, О. Аксентян, С. Берман, О. Уваровой, Б. Пушкину, Л. Гольдбрай, Б. Грейнишопу, Э. Гиндину, Н. и А. Юровским, Г. Грибовой, Доктору Хойслеру, Т. и Ю. Канцбергам, К. Мюллер и В. Мойслю, И. Табачнику, М. Куклиной, В. Муратову, А. Бруху и многим, многим другим нюрнбержцам и не нюрнбержцам за самую разнообразную помощь, в том числе финансовую, без которой не появилась бы эта книга.

Acknowledgement

The author especially thanks the Nuremberg Association of the Old Town Friends (Altstadtfreunde e.V.) for providing old postcards and photos of the Old Town and its inhabitants, the Institute of Local History (Geschichte für alle) for historical photos, as well as communities of the Basilica della Santissima Annunziata (Basilica of the Most Holy Annunciation, Florence), St. Sebald Church and St. Lorenz Church (Nuremberg) for providing wonderful photos of art-works entreated in their churches.

Предисловие ко второму изданию

В истории России и Германии много общего. Это особенно хорошо замечаешь, оказавшись здесь, в Германии. Мой немецкий знакомый, берлинец Иохен Хойслер, дипломированный инженер, не историк, живущий последние тридцать лет в Нюрнберге, собрал огромный материал по связям Нюрнберга с Россией и объединил всё в два тома – «Нюрнбержцы в России» и «Россияне в Нюрнберге». Он говорит, что Россия лежит у него «am Herzen». Этот очень интересный труд ещё ищет своего издателя.

Начиная собирать и переводить материал о Нюрнберге, я делала это для себя. Хотелось иметь по возможности подробную книгу на русском языке о городе, в котором я живу, но при этом я вполне допускала, что она нужна не только мне.

Тираж первого издания составил всего 300 экземпляров. Трудно было представить, как встретят любительскую книгу, не имеющую жанра. Редактор Елена Хваленская, моя подруга, предложила назвать её углублённо-расширенным путеводителем. Так её и принимайте, пожалуйста. Тираж был раскуплен за три месяца, пришлось срочно готовить второе издание. Нюрнбержцы звонили и сообщали о неточностях, без которых не обошлось, за что всем огромное спасибо. Невольно искали «мостики», которые связывали и связывают Нюрнберг и Россию. Приятно было слышать не только слова благодарности, но и пожелания, и предложения для следующего издания. Из Гамбурга позвонил мой друг Михаил Смирнов и сообщил, что он недавно был в Новгороде, и там, в Софийском кафедральном соборе, висит почти двухтонный светильник (паникадило), выполненный нюрнбергскими мастерами по заказу Бориса Годунова. Нюрнбержец Анатолий Дозорцев попросил обязательно описать армиллу, в XII веке изготовленную мозельскими мастерами для Фридриха Барбароссы, в XIX веке найденную во Владимире и теперь хранящуюся в Германском национальном музее. Татьяна Михайлова рассказала мне о коллекции нюрнбергского серебра в Оружейной палате, которая насчитывает двести шестьдесят пять предметов.

К работе подключились новые молодые силы. Я очень этому рада. Эдуард Гиндин написал главу о «новом Старом городе» – чуде восстановления уничтоженного в войну исторического центра «самого немецкого из немецких городов». Это издание дополнилось фотографиями современного города, с душой выполненными Ириной Барской. Маша Куклина подготовила фотографии для печати.

Я очень благодарна всем, принявшим близко к сердцу и оценившим мою работу. Теперь стало ясно – все мы, приехавшие сюда 10-15 лет назад, полюбили этот город, и он у нас лежит «у сердца» так же, как и Россия у немца Иохена Хойслера. И мы хотим сказать всем гостям: “Нюрнберг – город не только нацистских съездов и Нюрнбергских процессов”. Загляните в книгу и убедитесь в этом.

Валерия Соколова

Оглавление

Вступление	6
История и истории	10
Умные головы и золотые руки	26
Михаэль Вольгемут (1434–1519)	27
Хартманн Шедель (1440–1514)	27
Антон Кобергер (ок. 1445–1513)	27
Файт Штосс (ок. 1447–1533)	28
Адам Крафт (после 1450–1509)	35
Петер Фишер Старший (ок. 1460–1529) и его сыновья	43
Мартин Бехайм (1459–1507)	44
Ганс Бехайм Старший (ок. 1465–1538)	47
Альбрехт Дюрер (21.05.1471–06.04.1528)	49
Виллибальд Пиркхаймер (1470–1530)	60
Петер Хенляйн (ок. 1485–1542)	61
Ганс Сакс (1494–1576)	61
Венцель Ямнитцер (1508–1585)	63
Бартоломеус Виатис (1538–1624) и Мартин Пеллер (1559–1629)	64
Иоахим фон Сандрарт (1606–1688)	66
Иоганн Пахельбель (1653–1706)	69
Иоганн Адам Дельсенбах (1687–1765)	70
Иоганн Конрад Грюбель (1736–1809)	72
Ганс фон Ауфзес (1801–1872)	73
Зигмунд Шуккерт (1846–1895)	74
Герман Кестен (1900–1996)	76
Нюрнберг в путевых заметках и дневниках Старого и Нового времени.	
1438–1980. (Переводы с немецкого)	78
Расцвет имперского города (XV–XVI вв.)	79
Упадок города (XVII–XVIII вв.)	82
Открытие романтического Нюрнберга (XVIII–XIX вв.)	88
Подъем, индустриализация (XIX–XX вв.)	98
Беда (1935–1945)	100
После войны	104
Прогулки по городу	
Город Себальда (Северная часть Старого города)	115
Вдоль Пегница	148
Город Лоренца (Южная часть Старого города)	160
За стенами Старого города	181
Схема Старого города	190
Тяжёлое наследие : 1933–1945	192
Новая жизнь Старого города (автор Эдуард Гиндин)	228
Старонюрнбергское гостеприимство	240

(День Святого Копья, учреждённый Папой по просьбе Карла IV), их показывали народу. Обстановка в городе в эти дни была такой, как будто он находился в осаде. Сторожевые у городских ворот несли службу особенно тщательно, на башнях выставлялись наблюдатели. На Главной рыночной площади рядом с «Прекрасным колодецем» возводился высокий многоярусный, строго охраняемый помост с шатровой крышей. Этот помост, «Прекрасный колодец» и все важные строения на площади защищались оградой. С верхнего яруса помоста, где находились представители Городского совета и духовенство, глашатай зачитывал по списку сокровища, объясняя их происхождение и назначение. Обычно на этот показ собиралось много народу, считалось, что святыни обладают свойством исцелять от болезней.

В 1796 г. революционные французские войска приблизились к Нюрнбергу, тогда драгоценные символы императорской власти под строгим секретом вывезли сначала в Регенсбург, а в 1800 году – в Вену. Там они хранились до августа 1938 г. Когда гитлеровские войска вошли в Австрию, имперские святыни по распоряжению фюрера были возвращены в Нюрнберг, в этот раз их разместили в церкви Св. Катарини. В 1939 г. их, как и все исторические ценности Нюрнберга, поместили в бункер под скалой, на которой стоит крепость. В один из последних мартовских дней 1945 г. обер-бургомистр Нюрнберга, нацист Либель, в присутствии трёх важных чиновников правления города взял из кунстбункера важнейшие имперские реликвии и в запаянном медном сосуде замуровал их в бункер под площадью Paniersplatz. Но американцам удалось найти сосуд, и бывшие имперские святыни в январе 1946 года вернули в Вену, где они хранятся донныне в художественно-историческом музее в замке Хофбург. В Нюрнберге остался только ларь (в Германском национальном музее) и копии некоторых предметов, которые можно осмотреть в музее крепости Кайзербург.

Первая железная дорога в Германии

(или многовековая неприязнь двух городов)

На широкой улице, ведущей из Нюрнберга в Фюрт над станцией метро Bängenschanze стоит памятник Первой железной дороге в Германии, соединившей в 1835 году эти два города. Обелиск фланкируют две фигуры. В сторону Нюрнберга смотрит властная и уверенная в себе Норимберга, она увенчана короной в виде крепостной городской стены с четырьмя мощными башнями. В сторону Фюрта смотрит нежная и женственная Фюртия с лавровым венком на голове, по-видимому, демонстрирующим, что Фюрт никогда не имел городского укрепления. Сидят они спиной друг к другу, показывая, как говорят немцы, «die kalte Schulter». Это памятник первой в Германии железной дороге. Событие это произошло в тот, почти единственный, короткий временной промежуток дружбы двух городов, в течение многих столетий, мягко говоря, не любивших друг друга.

Во-первых, конечно, возраст. Нюрнбергу только 961 год, а Фюрт несколько лет назад отмечал тысячелетие. Название города Фюрт связано со словом Furt (переправа), у которой когда-то стоял лагерь Карл Великий. Разумеется, эта дата оспаривается нюрнбержцами – они сами имеют пригород (Altenfurt), где по преданию стоял своим лагерьем тот же Карл Великий.

Во-вторых, церковь Св. Себальда в Нюрнберге является дочерней по отношению к церкви в Поппенройте (Фюрт), в которой был похоронен отшельник Себальд. Нюрнбержцы «перетаскивали мощи святого через границу» в свою церковь и придумали легенду о нём.

К тому же известно, что Фюрт принял евреев, высланных из Нюрнберга в 1499 г. Начавшееся было в XVIII в. развитие Фюрта, которому способствовали коммерческие способности поселившихся тут евреев, тормозилось скверной молвой, намеренно распускавшейся нюрнбержцами по всей Европе. Фюртцы даже предпочитали в то время скорее представляться ансбахцами – Фюртом до 1806 года управляли одновременно Ансбахский князь, Бамбергское епископство и город Нюрнберг.

В период прусского господства во Франконии (1792-1806) между Нюрнбергом и Фюртом частично была построена новая дорога, но война остановила соединение городов. В 1835 г. – вершина дружественных взаимоотношений – Первая железная дорога в Германии «Нюрнберг-Фюрт». Но уже в 1844 нюрнбержцы проложили ветку в Эрланген через Доос, обогнув при этом Фюрт. На рубеже веков бургомистры городов неоднократно пытались объединить города, уже почти слившиеся территориально. Безуспешно. В 1912 году обер-бургомистр Фюрта Теодор Кутцер высказал своё мнение – Фюрт должен «разделить удвоенный блеск Нюрнберга, а не влечить жалкое существование в тени». Душа фюртцев вскипела, и Кутцер вынужден был покинуть город как персону нон грата. Только в 1965 г. произошло, наконец, административное соединение городов.

Но ничто не забыто. Диалог в городской библиотеке Нюрнберга. «Пожалуйста, продлите мне эту книгу о Фюрте». Голос за спиной: «Кто это в Нюрнберге читает о Фюрте?»

Если бы Нюрнберга и Фюртия поменялись местами!

Умные головы и золотые руки

К началу XVI в. города, и, прежде всего, вольные города, становились важнейшими очагами духовной жизни Германии. Имперский Нюрнберг превратился в крупную экономическую метрополию (50 тысяч жителей). Здесь появилась значительная прослойка высокообразованных и богатых купцов, способствовавших развитию активной интеллектуальной, культурной, экономической жизни. Звались они патрициями – по примеру древнего Рима. Они владели богатыми библиотеками, кто-то из них учился в университетах Падуи, Павии или Болоньи, сохранив впоследствии связи с бывшими соучениками. Представители этих влиятельных семей и составляли Городской совет. Их политика, прежде всего, была направлена на успех торгового дела, для чего требовалось блестяще организованное производство ремесленных изделий. Художественное мастерство Нюрнберга, составившее славу старонемецкого искусства, развивалось исключительно на основе ремёсел.

В 1380 г. в городе насчитывалось около ста ремесленных специальностей, а в 1592 г. – 255. Мастерство ремесленников, по сути, являлось богатством города. Многие делали для того, чтобы привлекать таланты в город и удерживать их здесь. Мастера обладали знаниями, которыми Нюрнберг ни с кем не хотел делиться, и потому не имели права покидать город без разрешения городских властей. Важнейшим условием была узкая специализация. Мастер по изготовлению ножей не имел права изготавливать клинки, а мастер по изготовлению мечей не делал эфесы. Мастера, работающие с медью, не могли работать с цинком или железом.

Благодаря имперским привилегиям и традициям обработки драгоценных металлов, торговые связи города расширялись в разных направлениях – от Кракова до Лиссабона и от Венеции до Лиона. Источником энергии для ремесленных производств служили водяные мельницы на берегах Пегница. В 1389-1390 гг. Ульманом Штромером в Нюрнберге была построена первая в Европе мельница для производства бумаги. Чуть позже были изобретены печатные станки. Истинной революцией в изобразительном искусстве стало изобретение средств графической техники, которые вместе с бумагой давали возможность быстро, недорого и в большом количестве тиражировать художественные произведения.

Нюрнберг стал городом, где работали и творили художники и ремесленники, литераторы и математики, географы и теологи. Если говорить об изобразительном искусстве, то живопись в это время здесь представлял великий сын Нюрнберга Альбрехт Дюрер. В области ваения в городе работали три выдающихся скульптора, благодаря которым к началу XVI в. тут сформировался центр немецкой пластики. В 1496 г., после двадцатилетнего пребывания в Кракове, в Нюрнберг вернулся Файт Штосс. Литейная мастерская Петера Фишера, в которой по возвращении из Италии работали и его сыновья, была известна в Европе. В это же время Адам Крафт создавал здесь свои произведения, многие из которых за последующие века, к сожалению, были утеряны.

Михаэль Вольгемут (1434 – 1519)

Будущий живописец, резчик по дереву и первый учитель Альбрехта Дюрера Михаэль Вольгемут родился в семье художника. После обучения в мастерской отца, он отправился в странствия для приобретения опыта в профессии, как это было принято у мастеровых. Живопись он изучал в Нидерландах.

В 1471 г. Вольгемут возвратился в Нюрнберг, некоторое время работал в мастерской отца, а через год после смерти самого крупного нюрнбергского художника того времени Ганса Плейденwurфа перенял его мастерскую, женившись на его вдове. Эта художественная мастерская была самой большой и успешной в Нюрнберге. Мнения о Вольгемуте как о живописце в разные времена были различные. Одни признавали за ним талант, другие полагали, что он, скорее, был умелым предпринимателем. Но никто не отрицал его способностей и заслуг в области книжной иллюстрации. В мастерской Вольгемута были выполнены иллюстрации к крупнейшему памятнику раннего книгопечатания «Всемирной хронике» Х. Шеделя (1491-94). Вольгемут считается последним нюрнбергским художником периода поздней Готики.

Когда Альбрехту Дюреру исполнилось 15 лет, отец отдал его учиться в мастерскую Михаэля Вольгемута, где будущий великий художник работал и учился 3 года. Основы искусства резьбы по дереву Дюреру преподавал его первый учитель, звезда которого со временем померкла рядом с ярко вспыхнувшей звездой знаменитого ученика.

Хартманн Шедель (1440 – 1514)

Немецкий гуманист и историк Хартманн Шедель родился в Нюрнберге, в Падуе получил степень доктора медицины, позже вернулся в родной город. Известен он был как библиофил и собиратель гравюр, после его смерти осталась коллекция из 623-х книг. Шедель прославил себя изданием альманаха «Всемирная хроника» (первая иллюстрированная энциклопедия от «сотворения мира» до XV в.). В нём насчитывается более 1800 гравюр, среди них – в высшей степени точные виды Нюрнберга (Стр. 9).

Антон Кобергер (ок. 1445 – 1513)

Искусство книгопечатания зародилось в Майнце, где в 1456 г. свет увидело первое печатное издание Библии (180 экз.). А в шестидесятые годы XV в. уже существовали типографии в Бамберге, Кёльне и Аугсбурге.

Антон Кобергер – первый крупный издатель и книготорговец в длинном списке известнейших деятелей этого рода XV в. В Нюрнберге первая типография появилась в 1470 г., когда Кобергер снял дом на площади напротив церкви Св. Эгидиена и в нём оборудовал собственную, очень мощную по тем временам типографию, оснащённую 24-мя прессами. Трудились в ней около ста подмастерьев. Принципиальное значение предприятия было в том, что в нём объединились типография и издательство.

Это было огромное, связанное с риском и при этом очень успешное дело, благодаря которому в 1488 г. Кобергер стал членом Городского совета и постепенно породнился со многими влиятельными аристократическими семьями Нюрнберга. У него было 25 детей, а Альбрехт Дюрер был его крёстным сыном. Дом Дюреров находился на улице Burgstraße, как и мастерская Михаэля Вольгемута, где Альбрехт учился живописи. И совсем недалеко от неё располагалась типография его крёстного отца, в которой Альбрехт мальчиком проводил много времени.

По всей Европе продавались книги, изданные у Кобергера, всего около двухсот наименований, прежде всего, «Немецкая Библия» (1483) и «Всемирная хроника» Х. Шеделя на латинском и немецком языках. Здесь печатались сотни гравюр различных размеров, в том числе виды Нюрнберга.

Файт Штосс (ок. 1447 – 1533)

Только в конце XIX в. начался основательный поиск сведений о происхождении и жизни одного из великих художников позднего Средневековья Файта Штосса и его произведений. Его первая большая выставка состоялась в 1933 году в Германском национальном музее в Нюрнберге. Пятьюдесятью годами позже прошла ещё одна выставка, на которой было собрано неожиданно большое количество произведений художника и его учеников, обнаруженных в Нюрнберге и окрестностях. Так вполне достоверно был восстановлен образ Файта Штосса, творившего более пяти столетий назад. В нём сочетались резчик по дереву и живописец, каменотёс и гравер на меди, инженер и архитектор, скульптор больших и малых форм.

Многогранность его художественной деятельности производит впечатление избытка сил. И эти силы проявлялись не только в художественном творчестве, но и в его страстной предпринимательской деятельности. Будучи в родстве с одной мощной купеческой династией из швабского Равенсбурга, он участвовал в торговых делах европейского масштаба. Этим он отличался от своих современников – свободных художников.

Штосс родился в швабском городке Хорб на Неккаре. Ничего не известно о том, где он получил образование. Только весьма приблизительно можно сказать, что происхождение его стиля имеет корни в традициях североевропейской скульптуры. В двух больших городах Европы Штосс создал самые известные свои произведения – алтарь для церкви Богоматери в Кракове и алтарь «Поклонение волхвов» в Нюрнберге, позже перенесённый в Бамберг и поэтому названный «Бамбергским». Первое упоминание имени Штосса в городских книгах Нюрнберга встречается в 1477 году и связано с отказом его от местного гражданства в связи с переездом в Краков, тогда столицу Польши.

Файт Штосс (Вит Ствош по-польски) получил заказ на изготовление алтаря Марии для церкви Богоматери в Кракове, принадлежавшей в то время немецкой общине. В мае 1477 г. мастер приступил к работе, а в июле 1489 г. самый большой алтарь в Европе (13х11 метров), затмивший все резные алтари немецкой Готики, существовавшие до того времени, был закончен. В его средней части представлено Успение Марии (скульптура выше человеческого роста), на створках – сцены

из жизни Христа и Марии (рельефы). Успех алтаря был огромен. К работам, выполненным Штоссом в Кракове, относятся мраморная гробница короля Казимира IV (в кафедральном соборе Вавельского замка) и несколько надгробных памятников епископам.

Почти через двадцать лет Штосс возвратился в Нюрнберг. Без сомнения, свою блистательно начатую карьеру он надеялся продолжить в городе, который мог предоставить ему самые разные возможности. Липовые деревья были далеко не редкостью в лесах этой местности, а их древесина является замечательным материалом для резьбы. Нюрнберг, центр международной торговли, мог дать Штоссу возможность получения заказов не только от жителей южной Германии, с глубокой набожностью украшавших свои церкви, но и из других стран. И в первые годы после переезда казалось, что всё складывается удачно. Но очень скоро мастеру пришлось на себе испытать суровость законов Нюрнберга, и не раз. Два десятилетия он прожил в стороне от главного течения североевропейского искусства. В Кракове Штосс чувствовал себя, так сказать, единственной щучкой среди карпов в пруду художников. Культурная же среда Нюрнберга была иной, здесь ему предстояло конкурировать с большими талантами. Многие из них были моложе тогда уже почти пятидесятилетнего Файта Штосса. В области бронзовой скульптуры здесь блистал Петер Фишер с сыновьями, в каменной скульптуре – Адам Крафт. Михаэль Вольгемут расписывал алтари и резные деревянные скульптуры, юный Дюрер работал над своими гравюрами, городскую архитектуру курировал компетентный административный орган города.

Через год после приезда художника в Нюрнберг в его поначалу удачно складывающуюся жизнь, как гром среди ясного неба, врывается история с подделкой векселя. Он инвестирует крупную сумму, заработанную в результате коммерческой сделки, в предприятие некоего купца, которое довольно быстро разоряется. Штосс подаёт в суд жалобу на посредника, посоветовавшего ему вложить деньги таким образом. Не имея письменных доказательств о передаче ему денег, Штосс предоставляет суду фальшивое долговое обязательство, изготовленное им самим. За подделку документа ему грозит смертная казнь. Штосс оказывается в тюрьме, где у него под пытками выбивается признание. Кайзер и бамбергский епископ пытаются заступиться за знаменитого мастера. В результате он избегает и смертной казни, и выкалывания глаз – наказаний, полагавшихся за обман. Раскалённой проволокой палач прожигает насквозь обе его щеки. В городском архиве сохранился счёт цирюльника, лечившего рану мастера Штосса. С этого момента жизнь его чрезвычайно осложняется. Ему запрещается без разрешения властей покидать город и иметь подмастерьев и учеников. Когда Штосс пытается получить у Городского совета разрешение на работу с металлом (отливку бронзовых скульптур), его просьба отклоняется.

Процесс длится четыре года. Файту Штоссу предъявляется ощутимый денежный штраф за подделку документа. Он скрывается у своего зятя в Мюннерштадте, где получает заказ «расписать и покрыть позолотой» алтарь святой Магдалины в приходской церкви. Над алтарём работает Тильман Рименшнайдер (выдающийся скульптор и резчик по дереву периода перехода от Готики к Ренессансу, Вюрцбург).

Штосс расписывает рельефы, фигуры и корпус алтаря в стиле времени. Для оборотных сторон створок Штосс создаёт четыре картины, тема которых – легенда о франконских святых Килиане, Колонате и Тотнанае. Здесь он выступает в качестве художника. В процессе Реформации алтарь Рименшнайдера был уничтожен, но картины Штосса, как самостоятельные произведения были оставлены в церкви. Они висят до сих пор на левой боковой стене хора.

После длительной переписки с Городским советом Штосс возвращается в Нюрнберг и тотчас по приговору на четыре недели попадает в тюрьму. Этот несправедливый, по его мнению, удар судьбы превратил художника в «сумасшедшего и скандального человека». Так его называют в отчётах заседаний Городского совета. Он хочет доказать неправомерность своих долгов, освободиться от запрета покидать город и добиться разрешения посещать ярмарки. Почти всегда в ответ на свои жалобы он получает от Городского совета отказы. Только вмешательство кайзера помогает мастеру восстановить «потерянную честь», и в конце 1506 г. вновь появляются заказы, прежде всего, кайзеровские.

Пережитое не подорвало его творческой страстности и силы. За 27 лет, которые художнику ещё предстояло прожить, ему удалось восстановить своё потерянное состояние, многократно увеличив его. А в творческом отношении этот период его жизни был ещё богаче предыдущего.

Произведения Штосса обычно полны пафоса, реалистичны в деталях и передают религиозные мотивы в динамике, не превзойдённой ни одним скульптором его времени. Можно сказать, что многое в скульптурах Штосса определяется структурой линий, прежде всего, контурами и острыми краями складок. Штосс был человеком своей собственной культурной среды. Как говорили в южной Германии, «он не поддавался соблазну создавать итальянскую скульптуру».

Нижеописанные скульптуры были созданы Файтом Штоссом в Нюрнберге. Даты создания большинства работ мастера точно не установлены и вызывают споры.

Первая его работа по возвращении в Нюрнберг – **рельеф-триптих**, выполненный на пожертвование Паулюса Фольккамера (1499, песчаник, внутренняя стена восточного хора церкви Св. Себальда). Три части рельефа представляют собой три сцены – «**Тайная вечеря**», «**Моление на Масличной горе**» и «**Взятие Христа под стражу**» (в музее им. Пушкина в Москве имеется копия третьей сцены). Иоганн Нойдёрфер приписал эту работу Адаму Крафту и датировал триптих 1502 годом. В заблуждении относительно авторства этой работы все пребывали более трёхсот лет, до 1862 г., когда польский художник Александр Лезер нашёл и расшифровал имя автора. Обнаружились дата создания и фирменный знак мастера, нанесённые в виде украшения на ножны меча солдата в тюрбане (сцена взятия Христа под стражу). Это был Файт Штосс, дата создания – 1499 г.

Иоганн Нойдёрфер также сообщил, что на первом рельефе за трапезой изображены члены Городского совета. Что касается выведенных персонажей, то вопрос, кто же из членов Городского совета был изображён в сцене «Тайная вечеря», волновал исследователей и просто любопытных несколько столетий. Но ответ так и не был найден. Возможно, персонаж в центре, единственный в головном

уборе, являет собой портрет автора. Здесь царствует обыденность: кто-то разливает вино из кувшина, кто-то ковыряет еду в миске. Посуда, приборы, мебель совершенно реалистичны. Только группа вокруг Христа (слева) да Иуда (справа), стыдливо закрывающий своё лицо, изолированы от остальных. Это стиль наглядного выразительного изображения с подчеркнuto реалистическими деталями – грубая, крепкая осязаемость. Одухотворённость, производившая такое впечатление в его работах польского периода, исчезла, здесь господствует реализм. Рельефы проработаны так глубоко, что выглядят почти скульптурами и наполнены настолько интенсивной пластической жизнью, что кажется – фигуры вот-вот вырвутся за пределы рамы.

На каменных консолях над триптихом стоят фигуры (дуб) Страдающего Христа⁸ и Страдающей Марии (*mater dolorosa* – мать в страдании). Здесь изображена сцена из Страстей Христовых – явление Христа Марии, когда он показывает ей свои раны и уверяет её в том, что воскреснет. Обе скульптуры составляют одно целое с рельефом-триптихом. Возможно, первоначально они были окрашены под песчаник, чтобы не нарушать единство стиля интерьера хора с каменными скульптурами.

Фигура святого Андрея выше человеческого роста, монохромная, выполнена на пожертвование семьи Тухеров (1500-1510, церковь Св. Себальда, липа). Апостол изображён с атрибутом его мученической кончины – икообразным крестом. Член Городского совета Эндрес Тухер с 1457 г. почти 20 лет курировал городское строительство, потом ушёл в Картезианский монастырь и там был похоронен. Возможно, фигура св. Андрея, судя по совпадению имён, выполнена в его память. В 1657 г. скульптура была перевезена из монастыря в церковь Св. Себальда.

Торговец шёлком из Флоренции Рафаэль Торриджани в память о годах, проведённых в Нюрнберге, заказал Файту Штоссу заворачивающую **скульптурную группу «Рафаэль-Тобиас»** (1516, Герм. нац. музей, липа, стр. 175). Монохромные, полные изящества фигуры скульптурной группы явно несут в себе черты раннего итальянского Возрождения. Эта работа очень необычна для периода поздней немецкой Готики, мастером которой был Файт Штосс. Неизвестно, кто являлся заказчиком **скульптуры святого Рохуса** (защитник от чумы и других эпидемий), созданной Штоссом (1523, Флоренция, церковь *Santissima Annunziata*, липа, стр. 174). Возможно, им был тот же Рафаэль Торриджани, который к этому времени жил во Флоренции и служил там пастором в одной из церквей.

Святой Андрей

Тема **Распятый Христос** прошла через все творчество Штосса и была для него, как ни для кого из художников того времени, важнейшей. В Нюрнберге имеются четыре распятия из липового дерева, выполненных Файтом Штоссом:

- в Двойной капелле крепости (1500, сохранилось лучше всех остальных);
- созданное для церкви Госпиталя Св. Духа (1505-1510, в Герм. нац. музее);
- в церкви Св. Себальда (1520);
- в церкви Св. Лоренца (1520), единственное из всех монохромное (Стр. 163).

В марте 1517 г. Антон II Тухер, главный финансист Городского совета, заказал мастеру Штоссу венок с изображением **сцены «Благовещения»** для хора церкви Св. Лоренца (Стр. 166). Мастер справился с этим заказом в неожиданно короткий срок – 15 месяцев. Высота венка 372 см, ширина – 320 см. Несмотря на такие внушительные размеры он, благодаря своей миндалевидной форме, кажется, парит в пространстве хора как видение.

История создания венка в архиве семьи Тухеров отражена в мельчайших деталях. В противовес монохромным скульптурам с их естественностью, эта работа, из-за невероятно богатого оформления и позолоты, производит впечатление старинной. Венок составлен из 55 роз. В центре – Мария и архангел Гавриил, главные фигуры сцены, каждая высотой более двух метров. Внизу, под венком, как символ зла, изгибается змея, надкусывающая яблоко. Венок окаймлён свисающими с него чётками⁹. Для подсветки «Благовещения» Тухером был заказан позолоченный светильник. Но увидеть венок в те времена можно было только по праздникам, связанным, прежде всего, с Богородицею. В остальное же время он висел полностью покрытый так называемым «женевским платком». Для поддержки этого платка Штоссу была заказана деревянная конструкция в виде позолоченного обруча с радиальными стержнями, в центре сходящимися в шар.

После Реформации такой роскошный «католический» венок оказался неуместным в любой церкви. Городские власти пошли на компромисс – венок был оставлен в церкви Св. Лоренца, но его закрыли «мешком», специально для этого изготовленным. И более двухсот лет он висел под сводом в этом «мешке», вызывая недоумение посетителей церкви. В 1811 г. его перенесли в Двойную капеллу крепости, где к этому времени открыли музей Сакрального искусства Средневековья. Но для маленькой «домашней» капеллы венок оказался непомерно большим, и его перенесли в хор церкви Богородицы. Его пребывание здесь было недолгим, всего несколько недель. Огромный, висящий в центре хора венок не позволял органисту во время службы видеть алтарь. В конце концов, органист поставил условие – если не уберут «мешок», то он отказывается работать. Многострадальный венок отправили на хранение в ратушу. В 1817 г., наконец, было решено вернуть его в церковь Св. Лоренца. Но цепь, на которой он первоначально висел, как и многие другие сокровища церкви, при переходе города к Баварии, была продана, и это тяжелейшее произведение искусства повесили на пеньковой верёвке. Венок упал и разбился на «тысячу маленьких кусочков». Особенно пострадала «змея с яблоком», при падении принявшая на себя всю огромную тяжесть венка. По-видимому, он упал с небольшой высоты, так как главные фигуры достаточно благополучно пережили это печальное событие. Обломки были перенесены в верхнюю ризницу

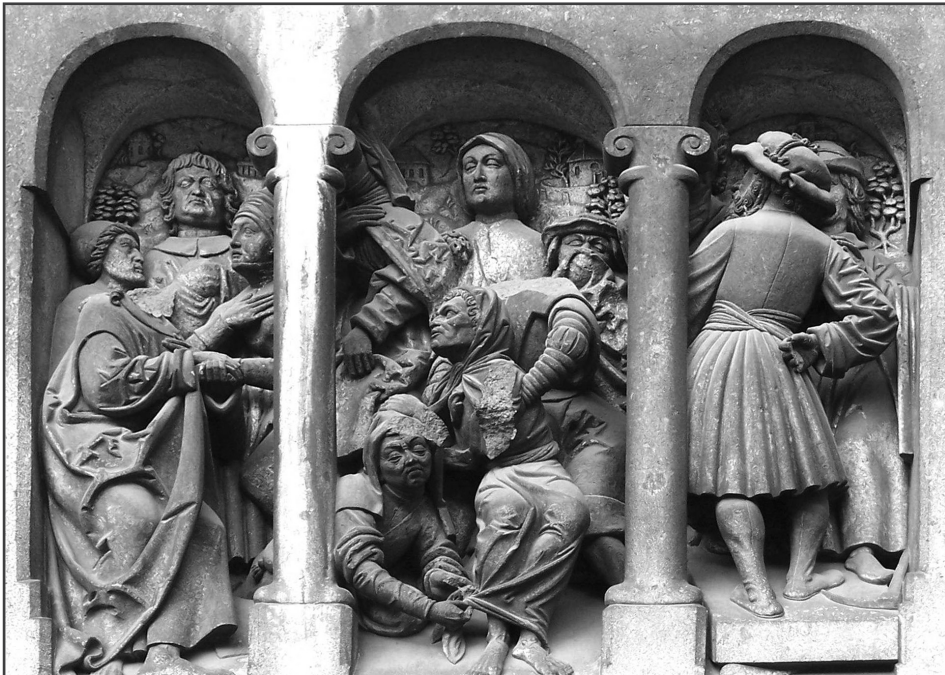
«Тайная вечеря», «Моление на Масличной горе», «Взятие Христа под стражу»

церкви, где пролежали 8 лет. За воссоздание и реставрацию венка взялись только в 1825 г. Точно через 9 лет после падения, день в день, отреставрированный и полностью перекрашенный венок «Благовещение» был опять подвешен в хоре церкви Св. Лоренца. Не хватало только его «короны» и покрыва. В период Второй мировой войны венок хранился в бункере под скалой вместе с фигурами алтаря Марии, перевезённого в Нюрнберг после занятия Кракова немецкими войсками. Так встретились две Марии, созданные мастером в разных городах и в разные периоды жизни.

На внешней южной стене церкви Св. Себастьяна, в нише, имеется бросающийся в глаза глубоко выработанный рельеф, плохо сохранившийся оригинал которого хранится в Германском национальном музее. Ещё в XIX в. над ним была выбита дата «1520». По предположениям, эта работа принадлежит Файту Штоссу. Адама Крафта к тому времени уже не было в живых, а другого, сравнимого с ними скульптора, в Нюрнберге в то время не существовало. Здесь изображена сцена из притчи «**Воскрешение Лазаря**».

По заказу своего сына доктора Андреаса, настоятеля Кармелитского монастыря в Нюрнберге, в 1520 г. Штосс начал работу над алтарём для монастырской церкви (алтарь «**Поклонение Волхвов**», или **Бамбергский алтарь**). Это была его последняя большая работа. Ответственный заказчик доктор Андреас собственноручно написал инструкцию – алтарь должен быть выполнен полностью из дерева, в монохромном стиле, срок исполнения – три года. Створки должны

Воскрешение Лазаря

открываться только по большим праздникам, гореть перед ним должно не более двух свечей. Вся резную работу мастер выполнил сам, к моменту окончания заказа ему было 76 лет. Самым важным в этой работе Штосса стала новая эстетика алтаря как произведения искусства. В сравнении с предыдущими, позднеготическими произведениями мастера, эта работа выглядит спокойнее и сдержаннее. Насколько цветист венок «Благовещение», настолько прост этот алтарь.

К началу Реформации (Нюрнберг принял протестантство в 1526 году) мастер закончил центральную часть и боковые створки. Город перешёл в новую веру, монастырь был расформирован, и Конвент Кармелитского монастыря не смог оплатить работу. В 1525 г. доктор Андреас Штосс покинул Нюрнберг. Пределла и часть, венчающая сооружение остались незаконченными. Наследникам художника удалось спасти алтарь и перевезти его из протестантского Нюрнберга в католический Бамберг. Сегодня его можно увидеть в кафедральном соборе Бамберга. Он не служит литургическим целям, створки его всегда открыты и стоит перед ним шесть свечей – не две, как замыслилось заказчиком.

Умер Штосс в Нюрнберге в 1533 г. почти полностью ослепшим. Состояние, оставленное им, превышало 8 тысяч гульденов, это была огромная сумма. На кладбище Св. Иоанна в Нюрнберге, на расстоянии не более пятидесяти метров от всегда покрытой свежими цветами могилы Альбрехта Дюрера, находится ничем не примечательная могила (ном. 268) его великого современника, скульптора и художника Файта Штосса.

Адам Крафт (после 1450 – 1509)

Один из выдающихся немецких скульпторов переходного периода от Готики к Ренессансу Адам Крафт жил и работал в Нюрнберге. Его причисляли к известнейшим личностям немецкого искусства – и его же называли «просто хорошим ремесленником». Произведения мастера в течение нескольких столетий описывали и воспевали, копировали и отливали, красили и рисовали, улучшали и экспонировали, разделяли на части, дополняли, разрушали и бросали в колодцы. То, что он когда-то служил идеалом старонемецкого художника-мастерового, сегодня почти забыто.

Крафт настолько виртуозно владел техникой обработки хрупкого камня, что материал, вышедший из его рук, казался живым. Ошибочно приписываемая Крафту способность размягчать твёрдые камни, придавать им нужную форму и затем снова превращать в твёрдые, позже создала вокруг мастера особенную ауру, вплоть до приписывания ему дара алхимика. На самом деле он обтачивал камни, потом сверлил их и нанизывал на проволоку, а «ожерелье» скреплял особым раствором. Это и была его тайна.

Для нас в его жизни и его работах осталось много странного и загадочного. Неизвестно, когда и где он родился, где получил образование и что создал до сорока лет. По меньшей мере два десятилетия его жизни (1470-1490) остаются во тьме. В его работах можно увидеть влияние верхнерейнской и нидерландской пластики. Возможно, он видел знаменитые, украшенные художественной резьбой скамьи

Нюрнберг в путевых заметках и дневниках Старого и Нового времени 1438 – 1980 гг.

Мясной мост и Деловой рынок (Herrenmarkt). Гравюра. 1670 г.

Расцвет имперского города (XV – XVI вв.)

Перо Тафюр – образованный рыцарь из Севильи
«Нюрнберг как Толедо», 1438

<...> Нюрнберг – один из самых больших и богатых городов Германии. Это очень старый город, заложенный одновременно с Толедо. Как и Толедо, он лежит в долине реки и так же велик. Здесь много ремесленников, большинство из которых работают с бронзой. Здесь была создана кольчуга, названная «нюрнбергской». В одной из церквей города хранятся священные реликвии, захваченные Карлом Великим при завоевании Иерусалима. Среди них я увидел копье с железным наконечником длиной с локтевую кость. Нам объяснили, что это – то самое копье, которым был пронзён Господь наш Иисус Христос. Я позволил себе заметить, что такое я уже видел в Константинополе. Если бы я не пришёл сюда с кардиналом и остальными не менее важными господами, то ситуация для меня оказалась бы очень тяжёлой. <...>

Эней Сальвий – гуманист, церковный политик, позже папа
«Город нориков», 1448–1458

Нюрнберг назван по имени скалы нориков (mons Noricus), у подножия которой он расположен. Этот известный крупный город между Баварией и Франконией лежит на реке Пегниц, берущей своё начало в горах Богемии. Город густо населён и застроен роскошными культовыми и гражданскими зданиями. Он превосходно защищён мощной крепостной стеной с многочисленными башнями и глубоким рвом. Но стоит город на неплодородных песчаных почвах, поэтому большинство жителей составляют ремесленники. Знаменитые нюрнбергские купцы связаны торговыми отношениями с Венецией и Фландрией, благодаря чему снабжают товарами всю Германию. Известна поговорка: «Нет ярмарок без нюрнбержцев». Изобретательность горожан и их усердие в работе приумножают богатство города. Постепенно жители скупают земли за городской стеной и начинают вести жизнь подобно аристократам, вызывая тем самым зависть соседей. <...>

Когда подъезжаешь к Нюрнбергу со стороны Нижней Франконии, то этот чудесный город предстаёт перед тобой в своём истинно величественном блеске. И это первое впечатление подтверждается, когда минуешь городские ворота, и тебе открывается красота улиц и чистота домов. Церкви его роскошны и достойны уважения. Сверху уверенно и гордо на город смотрит императорский замок, а дома жителей напоминают княжеские дворцы. <...>

Иоганн Кохлеус, немецкий гуманист и теолог
«Краткое описание Германии», 1512

Нюрнберг расположен, скажу я вам, не только в центре Германии, но и в центре всей Европы. Он одинаково далек как от Адриатики, так и от Балтийского моря, а расстояние между ними и составляет ширину Европы. На равном расстоянии отстоит Нюрнберг от Дона и от Кадиса, а это – длина Европы. <...>

Богатство Нюрнберга хорошо известно не только германцам, но и жителям далекого Лиссабона и донским скифам. Он знаменит в Польше, и Венгрии, и во всей Европе. Есть ли такой уголок на земле, куда нюрнбержцы ни привозили бы свои деньги или товары?! Они живут в Лиссабоне, Лионе, Венеции, Кракове, Вене, Кёльне, Антверпене и других торговых городах Европы, где обменом товаров кому-то помогают избавиться от нужды, а кому-то – разбогатеть. <...>

Якоб Хеллер – купец из Франкфурта

«Певческая школа майстерзингеров», нач. XVI в.

Была Троица. В комнате гостиницы я ждал, когда принесут завтрак, взглянул в окно и увидел натянутый между Св. Себальдом и ратушей канат, на нём висел щит. Я хотел было пойти к хозяину гостиницы, чтобы узнать, что это означает, как ко мне в комнату вошёл Петер Фишер Младший. Поздоровавшись, он сообщил, что сегодня в честь кайзера начинается состязание майстерзингеров, и участвовать приглашены все желающие. <...>

Мы вместе пошли к церкви Св. Катарины. Ошибиться дорогой оказалось просто невозможно, достаточно было только идти вместе с людским потоком, двигавшимся в одном направлении. Мы вошли в маленькую церковь, богато украшенную внутри. Императорскую ложу закрывал дорогой пурпурный занавес. Очень празднично выглядели заслуженные майстерзингеры, сидевшие кругом, крепкие с виду, среди них было много как длиннородых старцев, так и совершенно юных. Они были столь неподвижны и серьёзны, что напоминали собой «семь греческих мудрецов». На их праздничных одеждах из зелёного, голубого и чёрного шёлка красовались изысканные плиссированные воротники. На торжественной мессе не могло бы быть бóльшей тишины, чем здесь. Тут же сидел и Ганс Сакс со своим учителем Нунненбеком. У церковной кафедры стоял певческий стул, перед ним – низкий помост, а на нём – стол и пюпитр. Это было место для судей, которые назывались метчиками, и их было трое.

Я увидел на помосте золотую цепь «Победитель Давид» и венки с цветами из шёлка. Со стороны входа раздался шум, и появился кайзер Максимилиан со свитой. Тотчас всё пришло в движение. Старый мастер взошёл на трибуну, и со стороны судей послышалось: «Начинайте!» Это был Конрад Нахтигаль («соловей» – нем.), мастер по металлу, он страстно и нежно запел о небесном Иерусалиме и его красоте. Стало ясно, что своё имя он носит не зря. Однако песня состояла из совершенно неестественных зарифмованных фраз. Я заметил, что один из судей погрузился в Библию, второй на пальцах считал слоги, третий записывал то, что ему нашёптывали эти оба. Все мастера, сидевшие пониже, были очень внимательны и играли в дурацкую игру пальцами, пересчитывая количество куплетов. По тому, как они трясли головами, я понял, что выступающим допущены ошибки. Следующим был юноша, колокольный мастер. Темой своего стиха он выбрал миф о сотворении мира, но бедняга был так смущён, что не смог петь. Ему позволили покинуть трибуну. «Мастер провалился», – прошептал мне Фишер. О цветении трав пел теперь Леонард Нунненбек, почтенный старец в чёрном одеянии. Всё поразило в нём – от совершенно гладкой головы до белоснежной бороды. Когда он закончил

Крепость. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

пение, все были в полном восхищении, особенной радостью светилось лицо Ганса Сакса. Четвёртым и последним выступал молодой Михаэль Бехайм, из ткачей. Он никогда не посещал певческую школу и, если бы не Нунненбек, наверняка завоевал бы первый приз. Награждение Нунненбека золотой цепью Давида один из судей сопроводил пространством поздравлением, голова Бехайма была украшена венком, оказавшимся ему очень к лицу. Эти призы на самом деле не были подарками, а только символами праздника. Все присутствующие направились к победителям, чтобы пожать им руки. <...>

Жак Эспрэншар – зажиточный француз из Ла-Рошели

«Из книги путешествий», 1597

Город Нюрнберг без сомнения один из замечательнейших и аристократических городов Германии. Он известен всему миру. Стены его роскошных домов в большинстве украшены росписями и смотрятся как дворцы, крыши покрыты черепицей. Над городом на огромном холме возвышается древняя крепость. <...> Городская стена как с наружной, так и с внутренней стороны, красиво облицована тесовым камнем. А чтобы её обойти, потребуется не меньше двух часов. <...> В Европе Нюрнберг можно поставить вслед за Венецией, и он ещё никогда не находился в таком цветущем состоянии, как в настоящее время. <...>

Упадок города (XVII – XVIII вв.)

Галеадзо Гвальдо Приорато, посол шведского королевства

«Впечатления одного итальянца», 1663

Из всех имперских городов Германии Нюрнберг, без всякого сомнения, является самым красивым, самым большим, самым богатым, роскошным и влиятельным городом. Среди очень богато оформленных городских строений особого внимания заслуживает арсенал. В нём можно найти все виды боеприпасов и оружия, служащего как для нападения, так и для защиты. Обращает на себя внимание также огромное роскошное здание ратуши. <...> Среди множества священных реликвий, хранящихся здесь, самыми важными являются копьё, которым был пронзён Господь наш Христос, кусок Священного креста и один из гвоздей, которыми Он был пригвождён к этому кресту. <...> В городе живут купцы, торгующие по всей Европе различными товарами. Неопишима вежливость его жителей, непревзойденно их дружелюбие и великодушие при встрече с чужеземцами. <...>

Одежда мужской половины нюрнбержцев обыкновенно чёрная, но шита из хороших тканей. <...>

Николаус Иеронимус Гундлинг, немецкий философ и юрист

«Свободный город священной Римской империи Нюрнберг», 1707

В старину по праздникам некоторые мастерские Нюрнберга, особенно мясники, исполняли свои танцы. Ныне они уже отменены. Под звуки труб и литавр мясники носили по городу на жерди огромную жареную колбасу. Последний раз это происходило 8 и 9 февраля 1658 г., когда 12 работников мясных цехов на

жерди в 49 башмаков (14 метров) несли колбасу весом – 514 фунтов. Сверху она была украшена зеленью. В левой руке мастеровые держали вилы для сохранения равновесия. <...>

Карл Людвиг фон Пёлнитц, писатель

«Сообщения», 1729

Не было ни одной лавчонки, при выходе из которой меня не проводил бы до дверей её владелец, его жена или слуга. Хозяин моей гостиницы, с которым мы видимся по двадцать раз на дню, всегда встречает меня с большими церемониями, спрашивает о моём самочувствии, а когда я ухожу, то всегда просит, чтобы я ненадолго лишал бы его маленький дом чести моего пребывания в нём. <...>

Фон Блэнвиль, гугенот, бежавший из Франции

«Книга путешествий», 1765

Я давно уже хотел рассказать об одном дурацком обычае нюрнбержцев, который меня очень раздражает. Он так нелеп, что едва ли такое можно встретить в культурной стране. <...> Если вы как полагается идёте по улице, то женщины и девочки, сидящие в мелких лавчонках, открыто глазуют на вас. Вы проходите мимо, а они уставятся на вас и хохочут во всё горло прямо вам в лицо, и на улице преследуют вас совершенно бесстыдным образом. Можно было бы, разумеется, простить эту невоспитанную чернь. Но удивительно, что и супруга члена Городского совета, и её дочери, и вообще все особы женского пола сбегаются, чтобы рассмотреть вас сквозь решётки так называемых хёрляйнов, но как только вы их заметите, то головы быстро прячутся и решётки закрываются. <...>

Ещё один странный обычай здесь – ко всем воротам города приставлен человек, который вечером взбирается на высокую башню и омерзительно дудит в ужасный горн, такой же, каким пастухи сзывают стадо свиней. Эта приятная музыка называется здесь «Garaus» (покончить с чем-то), а я бы её назвал воров, крадущим радость. Всё это означает, что желающие попасть в город должны поспешить к воротам, иначе они останутся на всю ночь за стеной. Мы уже сталкивались с этим много раз, когда после прогулок за городом сидели в многочасовом ожидании перед закрытыми воротами. А вот благородных господ никогда не потревожат эти ужасные звуки, они-то могут веселиться сколько хотят. И горнист будет ждать окончания их весёлых прогулок столько, сколько потребуется их величеству. <...>

Иоганн Генрих Вильгельм Тишбайн, художник

«Дневник одного художника», 1779

Чем ближе мы подъезжали к Нюрнбергу, тем больше одежды сельских жителей напоминали нам одежды самого Альбрехта Дюрера и персонажей его произведений. Особенно скромно одеты молодые женщины, голова, шея и грудь которых стыдливо закутаны. Так, в одном сельском трактире, где мы обедали, нас окружали как будто живые модели одной из работ Дюрера. Дочь выглядела, как юная Мария, её красивый брат – как любимый ученик Христа, нежный Иоанн, а мать – как святая Елизавета. <...>

Наконец, мы подъехали к знаменитому старому немецкому городу мастеров. Каменные стены придавали ему почтенный вид. Но сразу было видно, что город уже потерял прежние лоск и славу. Дух прилежания прежнего времени, когда здесь творили многие художники, исчез. Но не исчезли игрушки, сделанные его мастерами. Во всём культурном мире трудно найти ребёнка, не имеющего игрушек из Нюрнберга. <...>

Христоф Фридрих Николаи, писатель и издатель

«Впечатления одного критика», 1781

Господин фон Мурр сказал, что огромный веночек «Благовещение» высечен из дерева Файтом Штоссом в 1518 г. И это мастерское произведение висит под самым сводом церкви Св. Лоренца, перед главным алтарём. Он прав. Надо только добавить, что оно закрыто огромным мешком. Потребовалось бы, по крайней мере, 12 человек, к тому же ещё полдня и масса всяких мероприятий, для того чтобы спустить его вниз и почистить от пыли, которая естественным образом, возможно, уже многие годы покрывает этот ужасающий мешок и, скорее всего, сами фигуры. Этот мешок – полная бессмыслица. Произведение должно висеть так, чтобы его можно было рассмотреть. Я едва мог поверить своим глазам, когда увидел, что сделали с венком. Возможно, причина в том, что фигуры, как сообщает господин фон Мурр, позолочены. Если бы кто-нибудь смог растолковать господам настоятелям церкви, что подобное произведение искусства не только ничего не потеряет, а, может быть, даже и выиграет от того, что с него сползла позолота. Это просто смешно: шедевр, делающий честь Нюрнбергу, должен висеть где-то высоко в мешке только для его сохранности! <...>

Христоф Фридрих Ринк, теолог

«Отчёт о научной командировке», 1783

14 октября. <...> Я посетил одну из многих старых церквей Нюрнберга, церковь Св. Лоренца. Она имеет две высокие башни, между ними на маленькой башенке висит серебряный колокол, который звонит только по праздничным дням. Внутри храма не так уж много достопримечательностей, разве что некоторые расписанные окна. Я поднялся на одну из башен и оттуда смог увидеть весь город. Он выглядит гораздо привлекательнее, чем Базель или Страсбург. Построен Нюрнберг регулярно, переулочки прямые и широкие, много фонтанов, просторные площади. Река Пегниц делит город на две части. Этот очень живописный вид дополняют аллеи деревьев. <...>

Филипп Вильгельм Геркен, историк и публицист

«Путешествие по Швабии, Баварии и так далее», 1784

Художники и ремесленники отличаются здесь большой прилежностью. Они работают с раннего утра до позднего вечера, в отличие от аугсбургцев, которые в три – четыре часа дня уже заканчивают работу и идут пить пиво. Промышленность Нюрнберга – на самом высоком уровне, и работы мастеровых со сталью, железом и латунию – лучшие во всей Европе. <...>

Ворота Frauentor. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

Денис Иванович Фонвизин, русский писатель

Письма сестре из третьего заграничного путешествия, 1784

Ниренберг, 29 августа 1784 г.

25 августа к обеду приехали сюда, в Ниренберг, и стали в трактире, в котором безмерная чистота и опрятность привели нас в удивление. Все улицы и дома здешние так чисты, что уже походит на аффектацию. Сим оканчиваю теперешний журнал, которого продолжение впредь присылать к тебе буду. Прости, матушка. Мы завтра отсюда едем в Аугсбург, расстоянием на 139 верст, откуда несколько строчек к вам напишу.

Боцен, 21-22 сентября 1784 г.

Теперь стану продолжать, тебе, матушка, мой журнал, который кончился приездом нашим в Ниренберг. Сей город положением своим очень странен: стоит весь на горах и с высокого места, каков тутошний замок, кажется не иным чем, как громадою набросанных не нарочно камней; считают в нем до восьмисот улиц, что и неудивительно, если называют улицами все по горам закоулки, какие на ста шагах обыкновенно встречаются. Невзирая на узкие улицы и на множество народа, наблюдается внутри и снаружи домов чистота отменная.

В день нашего приезда, то есть 25 августа, после обеда осматривали мы замок. По древним преданиям, здешние жители верят, что построен он Нероном. Не знаю, он ли его строил, но, по крайней мере, замок достоин быть дворцом такого чудовища, каков Нерон. Вообрази на превысокой и прекрутой горе уродливое и мрачное, большое здание. Кажется, что обитавший в нем тиран сверху попирал ногами город и что сам залез так высоко для того, чтоб спрятаться от отчаяния несчастных жителей. Словом, замок таков, в каком честный человек за все престолы света жить не согласится. Мы осматривали в нем картины Альбрехта Дюрера, славного больше за старину, нежели за искусство, потому что в его время живопись в Европе была еще в колыбели. Тут казали нам модели святых вещей, ибо подлинные сохранены и никому, кроме коронованных глав, их не кажут. Художник, делавший сии модели, не имел, кажется, нужды ни в большом труде, ни в большом искусстве. Святые вещи состоят в копье, коим Христос прободен был на кресте, в крестном гвозде, в частице самого креста, в отломке яслей вифлеемских, в лоскутке скатерти, посланной на тайной вечере, и в лоскуточке лентия, коим Христос отирал ноги на умовении. Осмотрев в замке все любопытства достойное, провели мы вечер дома с банкиром Brentанием, к которому мы адресованы. Он 26 августа поутру возил нас к купцу Вильду, который имеет прекрасное собрание картин. Мы пригласили Brentания к обеду. Я нигде не видал деликатнее стола, как в нашем трактире. Какое пирожное! Какой десерт! О пирожном говорю я не для того только, что я до него охотник, но для того, что Ниренберг пирожным славен в Европе. Скатерти, салфетки тонки, чисты – словом, в жизнь мою лучшего стола иметь не желал бы. После обеда были мы в ратуше, украшенной картинами Альбрехта Дюрера. Он родился в здешнем городе, работал много, и, куда ни обернись, везде найдешь его работу. Я сделал визит Brentанию и с ним ездил в комедию. Театришка мерзкий, и зала походит больше на чулан, нежели на залу. Жар и духота были такие, что я пяти минут не устоял, и вечер провели мы одни.

*Бывший постоялый двор «Красный жеребец».
Здесь останавливался Д.И. Фонвизин.*

В Ниренберге много хороших живописцев и других художников, но они умирают с голоду, потому что покупать некому. Целое утро или, справедливее сказать, весь день 27 августа посещал я сих бедняков, лазил к ним на чердаки и много кое-чего закупил по моей коммерции и отправил в Петербург. Ходил по церквам, по книжным лавкам, смотрел славный бронзовый фонтан, за который государыня предлагала тридцать тысяч рублей, но меньше пятидесяти не продают; был в галантерейных лавках и пришел домой, устав как собака. Вечеру банкир Кнопф сделал мне визит. 28 августа поутру оба мои банкира возили меня в арсенал. В нем есть чего смотреть; воинские снаряды, уборы и одежда древних рыцарей весьма любопытны. Удивительно, как могли они таскать на себе такую тяжесть. Я не совсем бессилён, по насилу поднял копье, которым они воевали. После обеда мадам Brentania приехала к нам с двумя золовками, и мы все вечером ездили в сад к мадам Геллер, которая лицом похожа как две капли воды на княгиню Д. А. Грузинскую. 29 августа целое утро приносили ко мне из целого города картины на продажу, но я не купил ничего, видя, что считают меня проезжим богачом. В сем мнении везде обо мне остаются для того, что я русский. Во всей Немецкой земле и, сказывают, также во всей Италии слова русский и богач одно означают. После обеда мы прогуливались по городу, отправив наперед с фурманом сундуки наши в Боцен для облегчения кареты. На другой день, 30 августа (10 сентября), приходили ко мне прощаться все артисты и оба мои банкира. После обеда в два часа выехали мы из Ниренберга и, не останавливаясь нигде, всю ночь ехали. 31 августа (11 сентября) к обеду приехали мы в Аугсбург.

Вольфганг Амадей Моцарт, композитор
«Письма и наброски», 1790

В Нюрнберге мы позавтракали – уродливый город. <...>

Открытие романтического Нюрнберга (XVIII – XIX вв.)

Вильгельм Генрих Вакенродер, поэт-романтик

«Сердечные излияния одного поклонника искусства в монашеской рясе», 1793

Нюрнберг! Ты прежде всего великий и славный город! Как приятно пройти по твоим кривым переулкам, с каким детским интересом я рассматриваю твои старинные дома и церкви, где ещё сохранились следы нашего старонемецкого искусства. Как искренне нравится мне всё, относящееся ко времени, которое говорит таким простым, мощным и настоящим языком! Как тянет меня в то столетие, когда ты, Нюрнберг, был оживлённой, кишасей учениками школой искусств и когда в твоих стенах жил плодотворный и переливающийся через край Дух творчества <...> Как часто хочется мне оказаться в том времени! Как часто я оказывался в нём мысленно, когда сидел и листал старые фолианты в каком-нибудь тесном уголке твоих, Нюрнберг, почтенных книжных залов, как будто погружённых в сумерки из-за старинных окон со свинцовыми перемычками, или стоял под сводами твоих церквей, куда сквозь ма́стерски расписанные окна проникает дневной свет и освещает картины старого времени. <...>

Окна со свинцовыми перемычками были характерны для средневекового Нюрнберга. В Старом городе они и сейчас встречаются довольно часто. Технология их изготовления известна ещё с X в. Свинцовые стерженьки отливали в железных или деревянных формах, затем расплющивали в полоски. Этими полосками обертывали края заранее нарезанных кружков листового стекла, раскладывали их на большом столе, плотно пригоняли один к другому и спаивали.

«Путевые заметки», 1793

Дорогие родители, ваши последние в высшей степени драгоценные письма от 15 июня я получил до обеда в пятницу, 21 июля. Они меня очень обрадовали. Я учусь сейчас наслаждаться университетским временем, которое никогда не повторится, и проводить его не только с пользой, но и приятно. Разрешите мне ответить на Ваше письмо после того, как я расскажу о моих сегодняшних, ещё свежих впечатлениях. Я имел множество поводов пойти в Нюрнберг. <...>

Дорога туда – широкое, совершенно ровное шоссе. Весь путь можно легко пройти за три часа, делая по полторы мили в час. Только Вы не должны думать, что я шёл совершенно один. Эта дорога всегда полна движения – почтовые кареты, грузовые фургоны, бродячие мастеровые, крестьянские телеги и, наконец, цыгане и толпы нищих. Я никогда не видел так много почтовых карет, как здесь, на пути из Эрлангена в Нюрнберг. Каждые 15-30 минут слышен почтовый горн. Сельские жители одеты в основном в чёрное. <...>

Этот огромный запутанный город вы легко можете себе представить по чётким гравюрам и цветным проспектам, имеющимся у вас. К моей радости, я многое узнавал в Нюрнберге. Город имеет совершенно старинный, фантастический вид из-за большого количества чёрных готических с роскошным внутренним убранством церквей, из-за старых прямоугольных зданий, часто украшенных росписью,

Крепость. Вид с севера. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

скульптурами или старинными базальтовыми рельефами. Почти все дома лишены и следа современного вкуса. Ни одного новомодного фасада. Двери в домах чаще маленькие, чёрные и почти всегда заперты. Звонишь – дверь открывается, идёшь по тёмной лестнице вверх – и в комнате видишь самого хозяина. Комната оказывается очень приятной из-за библиотеки, находящейся в ней, здесь очень уютно сидеть у окна со свинцовыми перемычками, выходящего во внутренний дворик или в переулок. Разумеется, я не хочу сказать, что все дома такие, но снаружи, по крайней мере, они все выглядят старинными.

Город очень большой, но в нём очень мало жителей. Каждым домом владеет одна семья. Сто лет назад, благодаря торговле, искусству и развитым ремёслам, Нюрнберг стал цветущим городом. Сейчас всё, к сожалению, очень изменилось. Великие художники умерли, многие ценности города в течение последних 20-30-ти лет, попав на аукционы, были увезены в другие страны. Сейчас здесь мало любителей искусства, хотя раньше почти в каждом частном доме имела небольшая коллекция художественных произведений. <...> Самому городу я не перестаю удивляться, так как здесь нет ни одного нового дома, все старые, начиная с X в. Кажется, что перелетел в древние времена и всегда ожидаешь появления рыцаря, монаха или горожанина в одеянии того времени. <...>

В Нюрнберге очень большое количество старых благотворительных учреждений, помогающих бедным. Имеется также несколько домов для бедных. Вычислено, что тот, кто получает выплаты от всех благотворительных учреждений, может в год иметь до 300 гульденов. Поэтому в Нюрнберге и округе такое огромное количество нищих. Горожане вынуждены вносить в кассу для бедных большие суммы, что является доказательством плохих законов и плохого правления. <...>

Георг Фридрих Ребманн, публицист
«Путешествия и крестовые походы», 1793

Всякий раз, когда я попадаю в этот имперский город, мне хочется плакать. Все горожане напоминают шёлковых червей, которых выращивают только для того, чтобы потом, когда они созреют, снять с них кожу. Ничего значительного, ничего великого, ничего стремящегося ввысь здесь не найдёшь. Всё выглядит суженным, уменьшенным, прижатым, полная картина пустоты и падения. Горожане очень нетребовательны, более чем посредственное существование как будто устраивает их. Желательно только облегчение кандалов, чтобы спокойнее работать на тиранов. Здесь в основном встречаешь ничего не выражающие плоские лица, лишённые какого-либо характера. Такое впечатление, что народ привык к тюрьме, и никто не нуждается в воздухе свободы. <...>

Добрые старые отцы города! Когда вы убежали от давления владетельных аристократов и князей и укрывались за этими стенами, когда ваше усердие, ваша неутомимая изобретательность вознаградила вас, тогда вы не думали, что однажды высокомерная кучка городских аристократов, называемых патрициями, железной пятой придавит ваших внуков настолько, что им придётся просить защиты у гордых соседей – князей! <...>

Здание ратуши в настоящее время выглядит скорее роскошным, чем красивым. Лепной потолок с картинами турниров, вызвавший столько шумихи, так изгибается, что, кажется, рыцари, оруженосцы и кони вот-вот упадут вам на голову. Мне не удалось увидеть здесь прекрасные формы. Замок – невзрачный, угловатый, старый. Кайзеры, жившие в этих покоях, должно быть, были очень невзыскательны. В наше время горожанин средней руки имеет лучшее жилище. Тем не менее, здесь можно увидеть превосходные картины, но они неудачно развешаны и плохо освещены, среди них известная работа Альбрехта Дюрера «Адам и Ева». Эти картины и вид, открывающийся со скалы, вознаградят вас за силы, потраченные на путь к замку. Здесь много садов, хотя почвы песчаные. Жаль только, что всюду замечаешь отсутствие вкуса или даже напротив, усматривается скорее неестественный вкус. Дома в большинстве окрашены в жёлтые, зелёные и красные цвета, на цоколях стоят отвратительные размалёванные фигуры. Короче говоря, тут понимаешь, что имел в виду Лаватер (реформатский пастор, философ и писатель из Швейцарии), говоря об «ультранюрнбергском». <...>

Ф. Р. Вильмсен, приходской священник

«Утомительное посещение», 1796

Прогулка по этому городу может вызвать не только телесный, но и душевный недуг. Поражает бесконечный вид отвратительных четырёхэтажных домов с омерзительной росписью, украшенных галереями, и огромными фигурами в бронзе и камне. Всюду в изобилии эркеры, опять же с каменными рельефами <...>

Испытываешь большое душевное и физическое напряжение, то и дело вбираясь и спускаясь по крутым улицам <...>

Крепостная стена вся облеплена убогими шалашиками. Ров, длинный ряд капустных огородов, представляет собой отрадный вид и, вероятно, благословен нюрнбержцами, выполняя и сейчас защитные функции, особенно оттого, что служит им для справления малой и большой нужды. <...>

Эрнст Моритц Арндт, писатель

«Путешествие из Байройта в Вену», 1798

Церковь Св. Себальда, или Дом, несомненно, является одним из замечательных строений эпохи ранней Готики. Когда попадаешь в её гулкой полумрак, проникаешь глубоким почтением – до священной дрожи. Поднимаешь глаза, скользя взглядом ввысь по тонким колоннам до головокружительного потолка, и так стоишь, как в лесу святых елей, через благородные кроны которых пробивается тусклый свет небосвода. Здесь всё дышит стариной и святостью. Если смелый взлёт колонн вызывает головокружение, то яркая оконная роспись с ослепительными и живыми красками переносит тебя далеко, в тот самый мир, нравы и мысли которого тут так живо представлены. <...> Даже в солнечный день здесь, несмотря на большое количество окон, царит полумрак. Стены и потолок как будто намеренно сделаны тёмными, чтобы мысли о былом глубже проникали в сердце. <...>

Ратуша, построенная в стиле Ренессанс, является, действительно, очень

красивым трёхэтажным зданием и, похоже, ещё не закончена. Но едва ли можно по достоинству оценить его истинную красоту, поскольку построено оно среди тесно стоящих готических строений. <...>

Йонас Людвиг фон Гесс, житель Нюрнберга

«Путешествие по Германии, Нидерландам и Франции», 1798

В Нюрнберге здоровый и мягкий по сравнению с остальной Германией климат, однако соотношение рождающихся и умирающих в нём жителей ничем не отличается от других крупных немецких городов. Здесь имеет место большая смертность из-за болезней лёгких, поскольку даже незначительный ветер поднимает в воздух пыль песчаных почв, окружающих город. К тому же мастеровые очень рано начинают курить, и курят много, работа у них сидячая, пиво – любимый напиток прилежных нюрнбержцев. Всё это способствует сильному их изнурению. <...>

Х. Ф. Д. Шубарт, немецкий поэт, органист, композитор и журналист

«Письма и судьбы», конец XVIII века

В Нюрнберге я увидел очень музыкальный город – церкви, дома, кладбища, переулки и улицы звучат четырехголосыми мотетами, ариями, фугами и хорами.

Готтхилф Генрих фон Шуберт, естествоиспытатель

«Письма одного философа», 1806-1854

В полдень мы, наконец, прибыли в старый огромный достойный уважения город. Весь он с почтенными церквями, величественной ратушей, роскошными фонтанами и другими выставленными на показ достопримечательностями, и даже домами в кривых угловатых улицах, стоящими вплотную друг к другу, кажется в своём единстве произведением одного и того же зодчего. <...> Сотни лавчонок полны игрушек и пряников, много замечательных фонтанов, стены почти каждого дома расписаны фресками. Сельма, да и все мы просто визжали от радости, как в детстве при раздаче рождественских подарков. Эта старина привела нас в восторг. Такой необычный город, с уютными переулками и старинными церквями, в каждом доме и на каждом углу сцены из Библии, статуи и рельефы из камня, а вокруг простодушные искренние жители, такие старонемецкие. <...>

В ярмарочный день город особенно ярок и радостен. Всюду многочисленные крестьянские повозки с горами овощей и фруктов, выращенных на песчаных почвах трудолюбивым человеческим старанием. Здесь же отдающие блеском металлические сосуды со свежим молоком. <...>

Тот, кто приедет в этот старый, большой и чистый город и проживет здесь какое-то время, вскоре заметит, что это место благословенно Богом и замечательно оно не виноградарством, не золотыми горами, не богатым рыболовством, а множеством усердных, жизнерадостных людей с искренне гражданским сознанием, в котором живёт страх перед Богом. <...>

Вид города со стороны ворот Frauentor. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

Пэр Даниэль Амадеус Аттерборн, шведский поэт и историк литературы
«Нюрнберг», 1817

Река Пегниц делит Нюрнберг на две части – город Себальда и город Лоренца, названных по именам его главных церквей. Река невелика, но живописна двумя своими островами. <...> В старые времена на этой реке с большой помпой проводился турнир рыбаков – нечто похожее на турнир гондольеров в Венеции в настоящее время. На берегу реки по имени Редниц, в которую недалеко от Нюрнберга впадает Пегниц, когда-то своим знаменитым лагерем стоял Валленштейн. <...>

Карл фон Хазе, историк Церкви
«Святой час», 1820

Ещё ребёнком, когда в подарок к Рождеству я получал замечательные игрушки или вкусные пряники из Нюрнберга, мне казалось, что этот город подобен небесам с ангелочками. И с этими нежно хранимыми в сердце воспоминаниями о прекрасном времени я вошёл через сводчатые ворота в старинный имперский город. Его красочные готические дома, расписанные благочестивыми, простодушными яркими картинами рассказывают о милом детстве нашего народа, об уютной его зажиточности, выразившейся в этой радостной игре и блеске. <...>

Карл Юлий Вебер, писатель и сатирик

«Германия, или письма одного немца, путешествующего по Германии», 1826

Нюрнберг раскинулся передо мной во всей своей старобытной красоте. В Гамбурге, Любеке, Бремене, Аугсбурге и в самом Франкфурте сохранилось ещё кое-что из старины, но в Нюрнберге её больше всего. Его многочисленные башни, кажется, их 365, старая крепость на высоком холме, городская стена из красноватого песчаника, четыре высокие круглые башни, поставленные по её периметру, и всё остальное будят в фантазии картины времён междоусобиц и феодального права.

Огромное полотно Сандрарта «Торжественный обед мира», на котором изображены пятьдесят персон, действительно там присутствовавших, перенесено из ратуши в галерею. Во дворе ратуши ещё сохранился достопримечательный фонтан с ангелочком и дельфинами, а также деревянные фигуры над входом в «Трактир Господ Советников». С правой стороны от фигуры судьи изображён богач с чёртом, слева – бедняк с ангелом. Очень жаль, что в наше время никто не верит ни в чёрта, ни в ангела. <...>

Рихард Вагнер, композитор
«Майстерзингер из Нюрнберга», 1835

Целью моей поездки был Нюрнберг, где в городском театре работали моя сестра Клара и её муж. <...>

Мой шурин Вольфрам, весёлый и остроумный малый, пользуется большим расположением местных любителей театра. Я убедился в этом, когда мы однажды провели вечер в известном городском трактире. Там был один из его завсегдатаев,

мастер-столяр Лауэрманн, уже далеко не юный приземистый мужичок, очень забавно выглядевший и говоривший на незатейливом нюрнбергском диалекте. Лауэрманн мнит себя превосходным певцом и питает интерес только к тем, кто замечает его талант. Это свойство сделало его постоянной мишенью для насмешек и издевательств со стороны сотрапезников. Тем не менее, он тут каждый вечер, и каждый вечер преследуем своими весёлыми мучителями. Но разыгрывать его крайне трудно, так как «певца» надо всегда держать в уверенности, что он непревзойдённый мастер, и ни в коем случае не допустить, чтобы он, осмеянный и обиженный, покинул общество. Его безмерное тщеславие прекрасно поддавалось розыгрышу. Я, как незнакомец, тотчас был использован в этой игре. К моему изумлению, шуриин представил меня ему в качестве великого итальянского певца Луиджи Лаблаша (оперный певец-бас). К чести мастерового, надо сказать, что он долго и с большим недоверием рассматривал меня, поражаясь моему молоджавому виду и особенно обнаружившемуся у меня тенору. Невероятно, но шуриину удалось убедить несчастного в том, что я, при своих неслыханных гонорарах, хотел бы при встрече с завсегдагатаями обычного городского трактира удостоверить, искренне ли публика столь высоко оценивает моё мастерство. Если устроить, говорил шуриин, встречу «Лауэрманн – Лаблаш», то можно было бы точно узнать, кто есть кто. И выяснить, Лауэрманну у Лаблаша или Лаблашу у Лауэрманна стоило бы поучиться.

Борьба недоверия и тщеславия в этом бедном человеке пробудили во мне симпатию к нему. Я начал играть свою роль со всем мастерством, на какое был способен. По истечении почти двух часов этот странный человек пришёл, наконец, в большое волнение – сверкающие глаза уставились на меня, мускулы лица странно дергались. Он стал похож на заведённый механизм: губы дрожали, зубы скрежетали, глаза конвульсивно вращались. И вдруг из уст его вырвалась в высшей степени пошлая уличная песенка, исполненная низким, хриплым голосом. Когда же его мясистое лицо превратилось в пылающую маску, а рулады, выводимые с большим чувством, стали сопровождаться одним и тем же движением – напряжённо заводимым за ухо большим пальцем руки, сдерживаться уже стало невозможно, и все слушатели без исключения разразились оглушительным хохотом, что, конечно, привело несчастного мастера в ярость.

Жестокое издевательство и изощрённый обман окружающих довели бедного человека до крайней степени возмущения. Когда несчастный под улюлюканье сотрапезников уже приготовился покинуть трактир, меня охватило настоящее сочувствие к бедняге. Я пошёл за ним, чтобы попросить прощения и таким образом смягчить ситуацию, что на самом деле сделать было очень трудно, поскольку он воспринимал меня как нового врага, гнусно обманувшего его, притворившись Лаблашем, и это ему было особенно горько. Но мне удалось задержать Лауэрманна у выхода и даже вырвать у него обещание, что мы услышим его пение ещё сегодня. Как это мне удалось, я не в состоянии вспомнить, тому виной стало, по-видимому, воздействие алкогольных напитков. Во всяком случае, и убедительный «успех» Лауэрманна, и мои собственные ощущения в этот неслыханно длинный вечер смешались для меня в единое целое. Поиздевавшись ещё некоторое время над ним,

мы почувствовали, что просто обязаны доставить несчастного домой, для чего использовали найденную перед трактиром тележку, и в ней триумфально подвезли «победителя» к дверям его дома в чудном узком переулке Старого города.

Пришлось разбудить фрау Лауэрманн, чтобы она приняла своего супруга. Обрушив на нас проклятия, она дала нам возможность понять, в каком состоянии находятся отношения супругов. Ей, разумеется, были известны постоянные издевательства над певческим талантом её мужа, но к возмущению по этому поводу присоединились ещё страшные упрёки в адрес негодаев, подло использовавших слабость её бедного супруга и доведших его до такого состояния. И тут снова проснулась гордость оскорблённого майстерзингера. Пока жена с трудом тащила его по лестнице вверх, он с большим пылом объяснял ей значительность своего таланта и в не менее крепких выражениях призывал её к спокойствию.

На этом причудливое ночное приключение для нас не закончилось. Мы все вернулись назад и уже перед закрытыми дверями трактира обнаружили толпу парней-подмастерьев, друзей хозяина, желавших и считавших возможным для себя снова войти внутрь. Но наступил полицейский час (час закрытия ресторанов). И хозяин находился в мучительном положении – он вынужден был держать своих друзей перед запёртыми дверями, боясь их впустить, так как с ними могли бы проникнуть новые посетители, что было запрещено законом.

Атмосфера накалялась, и беспорядок из-за криков, шума и немыслимого увеличения массы ссорившихся вскоре приобрёл демонический характер. Мне показалось, что сейчас весь город придёт в волнение, и я стану свидетелем революции, о причине которой никто здесь не имел ни малейшего понятия. Но вдруг упало что-то тяжёлое, и как по команде вся толпа расступилась в стороны. Оказалось, что один из завсегдатаев трактира использовал приём старонюрнбергского боя, чтобы в толпе проложить себе дорогу домой: на мостовой без чувств лежал один из крикунов, поверженный ударом кулака между глаз. Эффект был таков, что весь народ немедленно разбежался.

Буквально через минуту после ожесточённого неистовства толпы более чем в сотню человек мы с шурином рука об руку спокойно, шутя и смеясь, шли домой по освещённым луной улицам. И я с изумлением узнал от него, что всё происшедшее, – вполне обыденное каждодневное городское событие. <...>

Готфрид Вильгельм Беккер, писатель
«Зарисовки одного путешествия», 1836

Всемирно известный автор басен, комедий, трагедий и других видов поэтических сочинений Ганс Сакс, как и многие гении, не имел счастья быть обладателем земных ценностей. Условия его жизни были так плачевны, что в конце концов Городской совет предоставил ему право торговли разливным пивом. Тогда Сакс отметил свой дом вывеской «Золотой медведь». В ходе времени, однако уже после его смерти, заведение «Золотой медведь» стало самой заурядной пивной, дом же Сакса превратился в городскую достопримечательность. Гостей города,

как правило, интересовал не «Золотой медведь», а маленький дом, где жил знаменитый поэт и сапожник. Один предприимчивый пивовар, предвидя наплыв посетителей, соединил дом Сакса с соседним домом и вывеску «Золотой медведь» поменял на «У Ганса Сакса». Получился с виду обыкновенный дом, но с портретом поэта над дверью и его подлинными вещами. Количество сочинённых Саксом больших и маленьких произведений доходит почти до шести тысяч. Из них здесь находились только пятый и последний тома. Я листал их столько времени, сколько мне позволили. Трактирщик показал камень, по которому Сакс стучал молотком, и проводил меня в комнатушку, где поэт то сочинял, то шил обувь. Маленькие окна, рабочая доска. Тесное помещение не оставляет сомнений, что оно-то и есть единственное сохранившееся. Я вдруг осознал, что посещение этого крошечного домика принесло мне больше радости, чем осмотр многих дворцов. <...>

Густав фон Гееринген, писатель

«Живописная и романтическая Германия», 1839

Нюрнберг! Бесконечно число почётных имён и титулов, которыми удостаивали тебя хроникёры всех столетий – ты всё это заслужил. Сейчас ты Баварский районный город, как и многие другие. Раньше ты был другим – ты как король, потерявший свою корону. Печать независимости всё ещё украшает твой лоб, и от твоей крепости, и от твоих башен ещё веет свободой имперского города. Любимец кайзеров, мы приветствуем тебя! <...>

Отто Фридрих Верхан, пастор

«Записки о Германии, Франции и Швейцарии», 1840

Если идти к крепости по улице Am Ölberg (Масличная гора), то в скале можно увидеть грот и в нём скульптурную группу Адама Крафта – Иисус и трое спящих юношей. Лик Спасителя поражает естественным выражением боли, а в позах и лицах юношей чувствуется сонливость. <...>

Ещё я хотел бы посвятить несколько строк лучшей и одновременно дешёвой гостинице «У Штрауса», где я проживал во время пребывания в Нюрнберге. Обедал я обычно за одним из подковообразных столов в зале, украшенном многочисленными пейзажами и гравюрами на меди. Мой первый обед состоял из следующих хорошо приготовленных блюд: суп, говяжье мясо в соусе, жареный картофель с салатом, ветчина с протёртым горохом, кислая капуста и картофель в мундире, сладкое блюдо с безе, жаркое из телятины с очищенным картофелем и салатом, жаркое из маринованного мяса со сливовым муссом. К десерту мне принесли: борсдорфские яблоки, орехи, торт, бисквит, два вида хлеба, масло и голландский сыр. Ко всему этому подавались серебряные столовые приборы и шелкунчик для орехов. За всё я заплатил 50 крейцеров. На столе стояли зубочистки – высушенный коротко оструганный ситник. В качестве напитка было предложено превосходное пиво. <...>

Подъём. Индустриализация (XIX – XX вв.)

Ганс Христиан Андерсен, сказочник

«Сочинения. Том первый», 1840

В утреннем тумане мы вскоре увидели старый величественный Нюрнберг. <...>

После посещения дома Ганса Сакса, я отправился к Королевскому замку, очень гармонирующему со старым Нюрнбергом. Рыцарская пышность снаружи и уют внутри. Здесь высокие стены, сам двор очень мал, но огромная растущая тут липа наполняет его запахом своих цветов и делает уютным. <...> Массивные зелёного кафеля плиты с тысячами позолоченных фигурок, христианских и языческих изображений, могли бы стать сюжетом для диковинных сказок. Какие вечера мог бы здесь пережить и в мечтах провести ребёнок, когда огонь в плитах освещает таинственные настенные росписи, и в свете пламени то и дело вспыхивают и исчезают позолоченные фигурки. <...>

Мне бы хотелось в светлую лунную ночь оказаться здесь и сверху посмотреть на готический город с его башнями, услышать горны ямщиков, вспомнить всадников Валленштейна, трубивших здесь и призывавших к бою. В повисшем над лугами тумане увидел бы я шведских рыцарей, сражавшихся за свою веру. <...>

Великий Дух, оживлённый здесь Региомontanом, Дюрером и Петером Фишером, не исчез, он здесь, он и есть движущая сила этого города. <...> Нюрнберг подобен сильному старцу, в котором ещё сохранилась юношеская сила, и у которого достаточно живых мыслей для того, чтобы связать их в идею. Говорящий пример – железная дорога между Нюрнбергом и Фюртом, первая в Германии. Старый Нюрнберг был первым городом, подхватившим идеи Нового времени. <...>

Агата фон Рённенбекк, венская писательница

«Летняя поездка», 1882

Пятница, 21 июля. Чудо из чудес! В городе Бехайма и Ганса Сакса появилось электрическое освещение! Мы остановились в одном старом отеле, его обстановка, похоже, осталась такой же, какой была при посещении города кайзером Максимилианом. Прежде всего мы отправились на выставку ремёсел. Увидели очень интересный и богатый Германский национальный музей. Если бы даже его помещения оказались пусты, стоило бы посетить это великолепное старое здание монастыря. <...>

Герман Гессе, писатель

«Посещение Нюрнберга», 1928

В глубине души в этом готическом городе я ожидал увидеть всевозможные чудеса, надеялся на встречу с духом Гофмана или Вакенродера, но ничего такого не случилось. Город произвёл на меня ужасное впечатление, хотя только я сам в этом виноват. Я увидел поистине восхитительный старый город, богаче чем Ульм, оригинальнее, чем Аугсбург, я увидел церкви Св. Лоренца и Св. Себальда, увидел ратушу и её двор, где стоит невыразимо прелестный фонтан. Я увидел всё это. И это

Главная рыночная площадь. Нюрнбергские проспекты. А. Дельсенбах.

было замечательно. Но сейчас здесь всё перестраивается бессердечной, безрадостной и деловой городской властью. Всюду треск моторов, грохот автомобилей, всё дрожит от темпа другого времени, когда не строятся ни божественные своды, ни фонтаны, прелестные как цветы в тихом дворике. Всё выглядит так, как будто в ближайшие часы это всё обрушится, потому что теперь нет в этом надобности и уже нет души. Что за прекрасные, что за восхитительные вещи увидел я в этом безумном городе! И не только известнейшие достопримечательности, церкви, фонтаны, Дом Дюрера, крепость, но и множество мелких, случайных вещей, которые мне, в сущности, еще милее. Аптека «Zur Kugel», где я купил себе новый стаканчик для промывания глаз, расположена в большом, красивом старом доме, в витрине которого выставлено чучело маленького крокодильчика с яичной скорлупой и много других подобных вещей. Но всё это буквально ничто, так как я видел всё это в облаках выхлопных газов проклятых машин, всё закапывается, всё вибрирует от жизни, которую я воспринимаю не человеческой, а дьявольской, всё предназначено умереть, превратиться в пыль. <...>

Бедра (1935–1945)

Герман Кестен, писатель *«Нюрнбергская воронка», 1935*

Странен мир, в котором мы живём. Многие желают его изменить, но неизменно обманываются в своих намерениях. Должен ли человек обладать склонностью к изменениям или, наоборот, к инерции? Приносит ли здравый смысл счастье или только глупцы попадают в царство небесное? Глупость определённо приводит к злобности, а неуверенность очень быстро перерождается в кровожадность.

«Образование – бессмыслица», – сказал министр Руст, и говорят, что он не фанатичен, как Геббельс. Оба господина министра толерантны по отношению к любимому народному писателю Адольфу Гитлеру. Этот известный оратор за последнюю неделю произнёс более дюжины речей, он говорил перед немецкими солдатами, перед немецкими бонзами, а также перед немецкими обезьянами. С последними он говорил об искусстве. Он говорил, как всегда, два часа.

Гитлер умеет даже читать и писать. Он о многом размышляет и в своих речах старается это продемонстрировать. Он говорит уже много лет, почти не прерываясь, и имеет неосценимое преимущество – слушатель в нём уверен. Его знают и ему охотно верят.

<...> В Аполлотеатре, в Нюрнберге, этот бывший художник рассуждал об искусстве. Как писала газета «Völkischer Beobachter», в первых рядах театраварьете сидела вся нацистская верхушка, в задних – теснились несколько сотен интеллектуалов, поэтов, художников, музыкантов, танцоров, профессоров и других преституток, одним словом, тут был весь бомонд Третьего Рейха.

Гитлер говорил два часа и все два часа бессвязно. Большинство фраз содержали слова, бессмысленные в контексте речи фюрера. Слова, несомненно, были заимствованы из немецкого языка. Многие предложения были правильно построены: существительное, сказуемое, дополнение. Многие предложения

звучали понятно. Воодушевление говорившего было подлинным, проститутки аплодировали, поэты завидовали, профессора были в восхищении, художники – в опьянении, нацистские офицеры хором смеялись блестящим шуткам Гитлера. Два часа говорить и при этом продемонстрировать не только понимание искусства и человеколюбие, но и знание немецкого языка, грамматики, логики и каждого убедить в том, что это сделано с иронией! Выдающийся психолог, работающий с народными массами, хотел опробовать действие неприкрытой бессмыслицы на эти массы. Впечатляющий пример!

В Нюрнберге, одном из старейших городов Германии, знавшем лучшие времена, сохранилось много курьёзов немецкого прошлого – имперские сокровища и «железная дева», кровати, в которых спали Цоллерны, а потом Гогенцоллерны, дома, в которых Альбрехт Дюрер рисовал и Ганс Сакс писал плохие стихи, отпечаток подковы коня рыцаря-разбойника Эппеляйна фон Галлингена, известного эмигранта и логика, автора изречения «Нюрнбержцы не вешают никого, им надо было бы сначала этого кого-то поймать!» Озорник был повешен несколькими годами позже по причине использования своей старонемецкой разбойной профессии. Среди прочего хлама, который покоится в Германском национальном музее, в крепости Гогенцоллернов и в камерах пыток, на меня страннейшее впечатление произвела так называемая Нюрнбергская воронка. Этот удивительный инструмент воронкообразной формы был изобретён определённо для насильственного вливания знаний в упрямые франконские черепа нюрнбержцев, как известно, не евших эти знания ложками.

Этот способ внедрения знаний применялся год за годом, десятилетия и столетия, и это имело страшные последствия. Ранее свободный имперский город, в котором художники процветали, сапожники пели и гуманисты реформировали, был изнасилован Штрайхером (нацистский политический деятель, ярый антисемит), а Гитлер воздал городу почести. Старая Нюрнбергская воронка кажется мне культурным символом нашей современной диктатуры. Этот инструмент нужно видеть. Длинный, как весло, тяжёлый как бревно из железа. Выглядит он скорее инструментом для убийства человека, чем для превращения его в мудреца. Его огромный размер наводит на мысль о чудовищном избытке человеческой мудрости. Похоже, наши предки полагали, что настоящие идиоты, нищие духом и бедные разумом были такого огромного роста, что вместо маленькой воронки нуждались в инструменте размером с хобот мамонта.

Очень возможно, что нашего любимого рейхсфюрера уже обработали в Нюрнберге этой Нюрнбергской воронкой.

Фриц Надлер, немецкий историк литературы и писатель
«Старый Норис поражён в самое сердце», 8-15 марта 1943 г.

8 марта в городе ещё можно было выпить кофе, придерживая горячую чашку рукавом рубашки. Это так приятно согревало. Дарованное спокойствие дня не нарушил ни один налёт. Было ли это хорошим или плохим признаком? Неприятный ответ на этот вопрос пришёл поздно вечером. Около одиннадцати оглушительно загрохотали зенитки. Началась вражеская коварная бомбардировка. Ответа с

немецкой стороны не последовало, так как опытные зенитчики вместе с орудиями были отправлены на русский фронт, как потом объяснил знакомый мне 15-16-летний школьник, работавший около двух недель помощником зенитчиков. Комментарий излишен! <...>

Трижды наступали паузы, трижды нюрнбержцы выползали из подвалов. И трижды загонялись они под землю. Около трёх ночи опять послышался шум моторов. Может быть, они хотели убедиться, достаточно ли хорошо горит город партийных съездов. <...>

С улицы Marienbergstraße было видно, что между Мёгельдорфом с востока и Фюртом с запада бушевал гигантский пожар. Я поехал на велосипеде по направлению к центру города, впереди маячила крепость, ярко освещённая огнём. Навстречу мне шли толпы бездомных людей, потерявших всё, кроме своей жизни и того, что они несли с собой. Горели почти все улицы, пересекавшие улицу Bayreutherstraße. «Томми-лётчики» сбросили тонны тяжёлых и лёгких зажигательных бомб, мин, канистр с фосфором и Бог знает чего ещё. На улице Königstraße дома горели и слева и справа. В огромном здании Mauthalle бушевало пламя, его можно было бы сравнить с Везувием – гигантские языки огня выбивались из всех бесчисленных окон здания. Стены были черны, как уголь. Никто не гасил огонь. Не было воды, не было пожарных, не было людей. Площадь Kornmarkt невозможно было пересечь – воздух здесь был раскалён. <...>

В Пегнице отражались горящие силуэты домов, не отражались в воде только бараки острова Trödelmarkt, их просто уже не было – исчезла известная нюрнберг-

Старый город в 1945 году

ская «Тремпала», блошинный рынок. Его сравнивали с парижскими рынками и даже с Лейпцигской ярмаркой. Чудный кусочек старого Нюрнберга, маленький остров между двумя рукавами Пегница, северный берег которого назывался «Маленькой Венецией», горел ярким пламенем. Ни одной капли воды из реки не пролилось на это пекло. Некому и некого было просить о помощи. <...>

В северной части Старого города царил хаос. На улицах лежали люди, задыхающиеся, обожжённые, убитые. Церковь Св. Себальда, капелла Св. Морица вместе с пятисотлетним трактиром Bratwurstglöcklein и бронзовый памятник Дюреру устояли. Из задымленного переулка Krämergasse я увидел башню Sinwellturm, возвышающуюся на скале. Незначительно повреждён осколком бомбы дом в переулке Obere Schmiedgasse, в подвале которого находится вход в бункер под скалой. Без сомнения, ничего не могло случиться с имперскими сокровищами, помещёнными сюда в первые дни войны. <...>

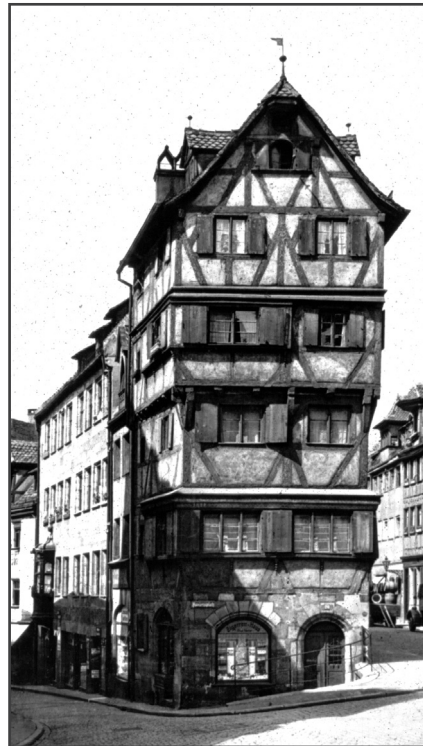
Утро 3 января 1945 г.

Этой ночью в Нюрнберге никто не спал. Город мёртв. Но жизнь продолжается, и жители бывшего Старого города, нагруженные как муравьи, подобно привидениям пробираются по узким дорожкам, проложенным среди развалин. Моя затея добраться до крепости на велосипеде была почти безнадёжной.

Кайзеровские конюшни, мощное строение Ганса Бехайма с его двойными окнами, как будто бы сдуло ветром. В нём было молодёжное общежитие. Ещё перед Рождеством здесь проводили военные учения, нюрнбергских мальчишек готовили к катастрофам. Теперь под огромной грудой камней и мусора ищут тело районного руководителя молодёжи доктора Рашке, нашедшего здесь вместе с несколькими молодыми людьми свою смерть.

Из исторического здания управления крепостью буквально высосаны камни. Остался его фахверковый деревянный каркас из толстых брёвен. Сейчас он выглядит как гигантская птичья клетка. Стоит обгоревшая Языческая башня, от башни Luginsland остался только короткий обрубок, тяжёлым каменным кубом, лежащий во рву. Башня Sinwellturm по-прежнему свысока взирает на Франконию. Галки, с криками кружащие вокруг неё, не понимают, что произошло этой ночью. Крепость превратилась в скелет. Лёгкий восточный ветер резво играет с обгоревшими кусками бумаги.

Никого нет сегодня на смотровой

Grolandhaus. Довоенный снимок.

площадке крепости. Ещё в Новогоднюю ночь я стоял здесь наверху. Из-за затемнения город выглядел очень мрачно. Только в районе вокзала можно было увидеть далёкие красные и зелёные огоньки светофоров.

Где же ратуша? Где шпили Святого Себальда? Где крыши, так уютно, подобно рыбьей чешуе с незапамятных времён покрывавшие гору, на которой стоит крепость? Сметены узкие переулки Obere и Untere Söldnergasse, исчезло старое фахверковое строение «Zum Maulbeerbaum» и всё, что для нас здесь было так мило и дорого. Уже не существует высокий фронтон здания Topplerhaus, в котором так удачно и на редкость гармонично смешались стили – готический, ренессансный, романтического историзма, чужеземный и отечественный. Нет драгоценного дворца Тухеров, нет дома Grolandhaus, который стоял на узком цоколе, расширяясь от этажа к этажу и тем самым привлекая к себе внимание архитекторов. От двора Hertelshof осталась только нижняя часть лестничной башни.

Почти весь район вокруг церкви Св. Эгидиена сравнялся с землёй. В переулке Schildgasse стоял скромный трактир, который ещё сто лет назад получил всемирную известность благодаря своему гостеприимству, несмотря на негостеприимное имя «Zum Jammerthal» (Земная юдоль). Эта вывеска оказалась символичной, судя по состоянию дома после роковой январской ночи. Вид этого места – просто пытка. Это вид на юдоль плачевную в полном смысле этого слова.

Город потерял своё лицо, свой характер, свой цвет, свою красоту. Лицо старого Нориса истерзано, разбито, уничтожено, устойчивый жизненный порядок, который спланировал горожан, разрушен до основания.

После войны

Эрих Кестнер, писатель

«Нюрнбергские хроники», 22 ноября 1945 г.

Автострада Мюнхен-Нюрнберг. <...> Мы едем на открытие процесса над военными преступниками. <...> Осенний туман висит над дорогой и над холмами. На небе, как через матовое стекло, слабо светит солнце. Среди голых, мёртвых веток деревьев каркают вороны. <...>

На краю улицы стоит американский военный автомобиль. Негр бросает деревянный ящик в костёр. Две женщины и целая орава детей греются у огня и смеются. <...>

Завтра утром должен начаться процесс над двадцатью четырьмя нацистами, обвиняемыми в смерти миллионов человек. Главный судья Джексон, основной истец, вызванный из Америки, объясняет: «Вы стоите перед судом не потому что вы проиграли войну, а потому что вы её развязали». Почему же народ на этой земле уже тысячу лет назад не проводил такие процессы? Тогда глобус был бы уже избавлен от крови и страданий. <...>

Убить одного единственного человека и убить сотню тысяч человек – разве это не одно и то же? Это ли не доблестно? Нет, это не одно и то же. Это ровно в сто тысяч раз страшнее! Эти двадцать четыре обвиняемых скажут, что они этого

не знали. А когда узнали, как они потом скажут, было уже поздно, остановить это было уже нельзя. Плохо это или хорошо, но они должны были уничтожить ещё пару миллионов человек. <...>

Кстати, обвиняются не двадцать четыре человека. Лей покончил с собой. Крупп, похоже, умирает. У Кальтенбруннера мозговое кровоизлияние. А Мартин Борман? Погиб ли он по дороге из Берлина во Фленсбург? Или где-то в немецком еловом лесу отрастил себе бороду и думает, читая газету: «Нюрнбержцы не вешают никого, им надо было бы сначала этого кого-то поймать». <...>

Утро вторника. Здание нюрнбергской юстиции окружено американской военной полицией. Проехать или пройти тут можно только по специальным пропускам. У входа стоят два часовых со штыками. Из автобусов и автомобилей поток облачённых в униформу – русские, американцы, французы, англичане, чехи, поляки, канадцы, норвежцы, бельгийцы, голландцы, датчане. Женщины в униформе. Русские – с широкими золотыми погонами. Журналисты, фотографы, адвокаты, радио-репортёры, секретарши, переводчики, морские офицеры с папками, белокурые господа в беретах английской армии с чемоданчиками, в которых они хранят чёрные мантии и белые галстуки. <...>

На первом этаже строгий контроль. На втором этаже строгий контроль. На третьем этаже дважды строгий контроль. Многих, несмотря на униформу и пропуск, отсылают назад.

Наконец, я стою в зале, где должен проходить процесс. Когда-нибудь, столетие спустя, какой-нибудь пожилой человек, окружённый изумлённой толпой туристов, будет монотонно и скучно рассказывать: «А сейчас мы находимся в историческом зале, где 20 ноября 1945 г. открылся первый процесс над военными преступниками. На правой стороне перед знамёнами Америки, Англии, Советского Союза и Франции сидели судьи этих четырёх стран. Высокий помост выглядит так же, как тогда. У противоположной стены, господа, сидели двадцать обвиняемых. В два ряда по десять человек в каждом. Позади них в белых стальных шлемах стояли восемь полицейских. Стальной шлем – головной убор двадцатого столетия, который носили в период вражды народов, называемым «войной». Слева от меня на столе под стеклянным колпаком вы можете увидеть такой шлем, адвокаты сидели перед помостом с обвиняемыми. Там, где вы, дамы и господа, сейчас стоите, размещались в то время представители прессы – репортёры известных газет, журналов и радиостанций мира. Четыре сотни мужчин и женщин, заданием которых было...». Да, так приблизительно будет рассказывать нам пожилой мужчина. Я надеюсь. И туристы всего мира будут его слушать и недоверчиво качать головами – неужели когда-то было, то, что называется «войной»? <...>

Голос обвинителя звучит как будто издалека. Переводчики бубнят за своими стеклянными перегородками. Все взгляды направлены на обвинителей. <...>

Геринг в светло-сером пиджаке с золотыми пуговицами. Отличительные знаки рейхсмаршалского звания отсутствуют. Ордена исчезли. Пиджак выглядит, как шофёрский. <...> Он похудел. Иногда он с любопытством смотрит в ту сторону, где сидят обвинители. Как только слышит своё имя, прислушивается и затем согласно

кивает. А когда обвинитель называет его эсэсовским генералом, он, смеясь, трясёт головой. Иногда наклоняется к своему адвокату и о чём-то говорит с ним. Чаще он спокоен. <...>

Рудольф Гесс изменился. Такое впечатление, что голова у него уменьшилась вдвое. Брови тревожно сомкнуты. Если он говорит с Герингом или Риббентропом, то резко встряхивает головой. Как птица. Его улыбка неестественна. Может быть, в этой голове не всё в порядке? <...>

Иоахим Риббентроп выглядит совершенно старым человеком. Он поседел. Его осунувшееся лицо – лицо больного человека. Он говорит мало. Подбородок держит высоко, словно ему стоит невероятных усилий всё это выдержать. Когда полицейский вводит его в зал, то видно, что он идёт с трудом. <...>

За американским обвинителем выступает французский. Он сообщает, какие чудовищные преступления ставятся в вину военным преступникам на территории Западной Европы. Убийства военнопленных, убийства заложников, разбой, депортация, стерилизация, массовые расстрелы с музыкальным сопровождением, пытки, лишение пищи, отравление газом, замораживание живых, механический вывих суставов, использование человеческих останков для изготовления удобрений, мыла и т.д... Море слёз... Ужас преисподней. <...> В полдень перерыв. В коридорах кишат журналисты, мантии, униформы. <...>

Около двух часов дня зал опять заполняется. Теперь очередь держать слово главному русскому обвинителю. Он зачитывает обвинения, которые предъявляются Восточным фронтом. Опять миллионы преднамеренно убитых. Опять нарушения за нарушениями Гаагского соглашения от 1907 г. Опять ад... Опять бездна...

Позже выступает английский обвинитель. Он зачитывает отдельные пункты обвинения, касающиеся этих двадцати обвиняемых. Они слушают невозмутимо. Некоторые сняли наушники и смотрят перед собой хмуро или равнодушно. <...>

Уже пять часов. Заседание откладывается. Обвиняемые стоят ещё некоторое время, разговаривая со своими адвокатами. Потом один за другим под конвоем они исчезают за коричневой дверью, ведущей в тюрьму. Завтра ещё один день. <...>

И снова я прохожу через многочисленные контрольные пункты, где снова проверяют, выхожу из исторического здания. Сердце болит после всего, что я услышал. И уши тоже болят. Кажется, что наушники были мне не по размеру. <...>

Дорога домой по автостраде. Туман стал ещё гуще. Его можно просто резать. Автомобиль еле движется. Я смотрю в окно и ничего не вижу. Только тягучий молочный туман. <...>

Теперь война, погромы, разбой, убийства и пытки сидят на скамье подсудимых. Они, гигантские и невидимые, сидят рядом с обвиняемыми. Ответственность подтягивается к ответственным. Удастся ли? Это должно получиться не только в этот раз, так должно быть всегда в будущем! Тогда война вымрет. Как чума или холера. И поклонники, и почитатели войны вымрут тоже. Как бациллы. И последующие поколения будут когда-нибудь смеяться над временами, когда миллионы убивали миллионы. Если бы такое могло случиться! Если бы когда-нибудь над нами так могли посмеяться!

Томас Манн, писатель

«Путевые заметки», 1946

Война оставила пустоты на местах некоторых замечательных архитектурных памятников в старых частях немецких городов. Но я никогда не забуду, как старый директор музея вёл нас по безнадежно разрушенному Нюрнбергу, надеясь, что мы насладимся видом города. «Это – башня, а там фонтан, – говорил он дрожащим голосом, – только посмотрите, они всё ещё стоят. Дома Дюрера и Пиркхаймера, они узнаваемы, не правда ли? Основное угадывается, главное практически сохранилось...». Ничего не сохранилось, но он уговаривал себя, что это всё ещё можно увидеть. К горлу подступили слёзы. <...>

Бенно Рейфенберг, журналист и писатель

«Западная Европа. Рисовки», 1950

Этот город продолжает дальше нести своё прошлое как затянувшееся сновидение, и благодаря диковинной прелести его строений здесь, в нашу эпоху, еще живо давно исчезнувшее время. <...>

Теодор Хойс, политик

«Германский национальный музей», 1952

Судьба Нюрнберга в последние десятилетия – Штрайхер и Гитлер, город съездов нацистов и город Нюрнбергских законов, а потом, как ответ, город Нюрнбергских процессов. Всем этим было замарано имя почтенного Нориса и таким замаранным осталось! Удивительный блеск былого, светский и образованный город, его человеческий и гуманистический дух были беззащитны перед тем, что было рядом, перед тем, что здесь произошло. <...>

Герман Кестен, писатель

«Двадцать лет спустя», 1965

Ни в одном городе мира я не чувствую себя настолько дома, как в Нюрнберге, и ни в каком другом городе мира – настолько чужим, как здесь. Старый Нюрнберг исчез так же, как мои детство и юность, которые я провёл, внутри и снаружи крепостных стен и рва этого богатого старыми традициями и отягощенного историей военных лет города.

Когда вчера под иллюзорным сиянием полной луны я шёл по улицам Нюрнберга, по его мостам и площадям, от большинства из которых не осталось ничего подлинного, кроме их имен, через этот с любовью восстановленный и только наполовину удачно отреставрированный Старый город, я опять увидел как во сне, гнетущем и восхитительном одновременно, особенно, когда смотрел на луну, старый неразрушенный Нюрнберг, Нюрнберг моего детства – где-то ещё сохранился памятник или башня, или ещё журчит колодец, иногда установленный не на своём старом месте. Кое-где ещё сохранился кусок городской стены или стоят некоторые из старых домов нюрнбергских аристократов. Там приветствуют

меня восстановленные церкви Св. Себальда, Св. Лоренца и церковь Св. Эгидиена, крепость. Тут подмигивают мне старые башни, тогда они были такими же, только теперь они не так высоки, как мне казалось в детстве. Тут ещё был город, где Вольгемут учил Дюрера, где Гегель был ректором гуманитарной, названной именем Меланхтона, гимназии, где жил атеист Людвиг Фейербах, город Петера Хенляйна и Мартина Бехайма, где была издана книга Николая Коперника, город Пиркхаймера и Тухера, Кресса и Шуккерта, где творили Файт Штосс и Петер Фишер, Адам Крафт и Ганс Сакс, где бродили Людвиг Тик и Вильгельм Вакенродер, мысленно погружаясь в романтическое Средневековье, где Грюбель влюбил Гёте в сочный нюрнбергский диалект, где такой неповторимо прекрасный Гитлер торжественно преподносил миллиону немецких девочек свои партийные съезды, под незаслуженным солнцем в не соответствующем погоде дождевике, в сапогах, не таких уж и кожаных и не таких грязных, какой была его речь, в которой только его сподвижники узнавали следы немецкого языка и где в то время со своим печатным листком «Der Stürmer» бывший учитель народной школы знаменитый Юлиус Штрайхер, наказанный за растление малолетних и сделавший немецким фирменным товаром порнографию и антисемитизм, был наиболее читаемым нюрнбергским автором.

С благородными временами и великими фигурами старого города навсегда исчезли также и новые призраки Нюрнберга. Когда я сегодня, в солнечный, ясный и радостный июльский день шёл по Нюрнбергу, я видел новый, богатый, местами элегантный, прекрасный город, который хранит свои оставшиеся в прошлом, ныне утраченные архитектурные воспоминания скорее как залеченные раны, чем как исторические памятники. Я видел свежее поколение новых нюрнбержцев, так много нюрнбержек, показавшихся мне более городскими и более симпатичными, чем те, что были раньше. На овощном рынке я видел новых зеленщиц с такими дружелюбными глазами и соблазнительными вишнями, что я не знал, улыбаются ли мне их вишни или их весёлые глаза? Я собственными ушами услышал – хороший старый нюрнбергский диалект ещё жив, я увидел Пегниц, который спокойно течёт дальше.

Большинство молодых людей в Нюрнберге не знают ничего об «Ордене Цветов на Пегнице», как не помнят они о Нюрнбергских законах. Большинство этих молодых нюрнбержцев и нюрнбежек выглядят такими здоровыми и оптимистичными, как будто бы их отцы ничего не рассказывали им о том, как их город и его жители были просто сметены варварскими бомбардировками и навсегда исчезли в пламени и пепле.

Вчера я видел очень много нюрнбержцев, которые выглядели такими вежливыми, такими человеколюбивыми, такими добродушными, приближающимися к XXI веку, может быть, столетию мира и гуманности, что было невозможно поверить в то, что большинство их отцов в середине XX века восторженно и с ликованием приветствовали самого гнусного в мировой истории массового убийцу.

Когда идёшь по цветущему и цивилизованному новому городу, то временами забываешь и о том, что в прошлом это был свободный имперский город, и о том, что двадцать лет назад он стал одним из главных городов Третьего Рейха – Рейха, который, видимо, выглядел так, как Сведенборг представлял себе ад, – просто повседневная жизнь, только обращённая к чёрту.

Ещё двадцать лет назад привратник, и поныне берущий чаевые, украшал свой мундир знаменитым собачьим жетоном со свастикой и ножницами поощряемого государством доноса обрезал нить жизни тебе или мне, как это делали богини человеческой судьбы.

Уже двадцать лет, как этот немецкий ад догорел, и многие немцы забыли о нем, как об итальянском фейерверке, вспыхнувшем и исчезнувшем, словно его никогда и не было. Многие немцы готовы себе и всей нации простить всё, чего они якобы никогда не видели и чего они якобы никогда не знали.

Выросло новое поколение. Улицы Германии полны молодым народом, родившимся после беды. Они были детьми, когда страна находилась во мраке. Все физические, моральные и интеллектуальные пытки Третьего Рейха им кажутся лишь историей, давно исчезнувшей, прямо-таки легендарной, почти неправдоподобной – как если бы они рассматривали сцены пыток на известных картинах в Германском национальном музее. Весь Третий Рейх кажется им нарисованным ужасом, эстетически несостоятельным, как плод извращенной фантазии меланхолика-художника или сны наяву мизантропа-сатирика, усиленные с помощью художественных эффектов.

Уже двадцать лет Германия живёт в светлом мире, где подавляющая часть населения больше не боится, что евреи или цыгане, англичане или французы захотят присвоить плоды труда немцев, где даже убийцы, среди которых немцы должны жить, как уверяет министр юстиции, совсем не хотят убивать, а только питают надежду, почти нескрываемую, стать министрами, то есть войти в Совет министров Германии, или стать генералами бундесвера, или судьями и государственными адвокатами, или получить литературную премию Германии, или просто вступить в органы власти, защищающие конституцию Германии. Как и все остальные народы, немцы в большинстве своём, конечно, больше добрые, чем злые и охотнее живут в мире со всем миром, чем в войне со всем миром. Как к рабству, так и к свободе народ привыкает очень быстро и забывает, как легко можно потерять эту восхитительную свободу, если ежечасно не защищать её.

Маргалит Галай, писательница из Тель Авива
«Город с черепичными крышами», 1974

Старый Нюрнберг! Город с извилистыми переулками, домами, прижимающимися друг к другу, крышами, сидящими на домах, как глубоко надвинутые на лоб козырьки, да ещё и эркерами, хёрляйнами, фонтанами и тихими площадями, делающими город спокойным и уютным. Окна этого города закрыты. Для своих жителей он всё равно, что уютный дом для семьи. Зайдёшь в какой-нибудь уголок и чувствуешь себя там так хорошо. Эта городская, чистая, украшенная цветами уютность! Мне бы хотелось жить под одной из этих крыш, позади одного из этих эркеров, мне бы не хотелось чувствовать себя здесь чужой, не принадлежи я другому миру, омываемому морем, жаркому, иудейскому, библейскому, и с ежедневной порцией нового напряжения в борьбе только за существование. В Париже можно жить, оставаясь иностранцем, и в Мюнхене, и в Риме, Лондоне, Вене, даже во

Франкфурте, если это нужно. Но в Старом Нюрнберге нужно быть нюрнбержцем, если Вы понимаете, что я имею в виду. Это интимный город, семейная, так сказать, принадлежность. Для чужеземцев же он – кусочек магии, сказочный город, ставший реальностью, страна диковинной мечты.

Страх перед уцелевшим

Разговор между Германом Кестеном и Генрихом Бёллем, 1980

Кестен: Нюрнберг старинный и знаменитый город. Имели ли Вы какое-нибудь представление о нём перед тем, как увидели его впервые?

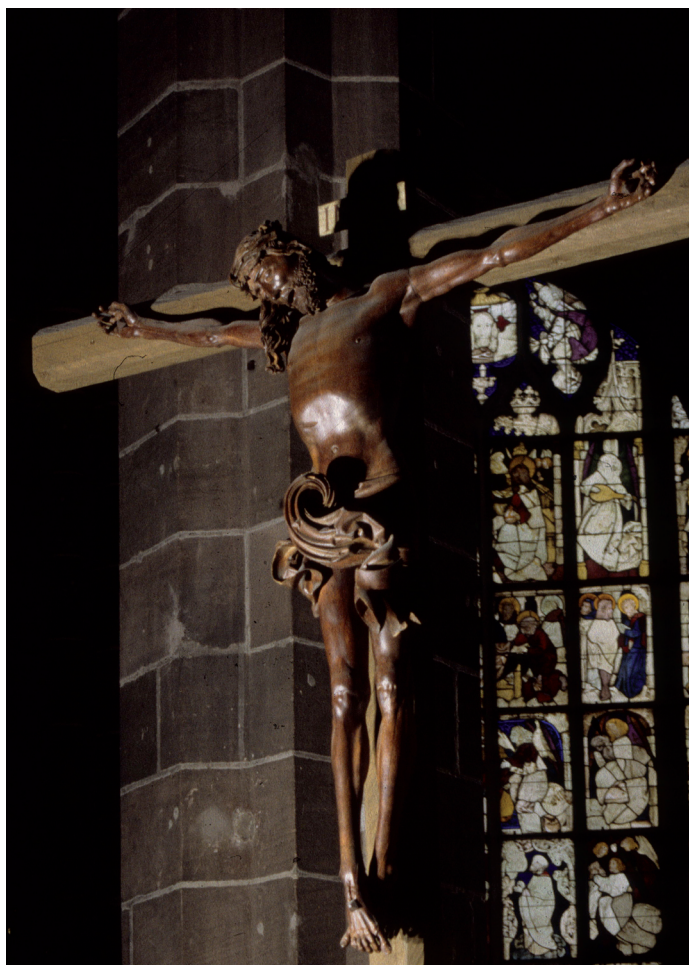
Бёлль: У меня были только ассоциации: Нюрнбергская воронка, Нюрнбергское яйцо, сохранившаяся немецкая Готика – как шкатулка с драгоценностями. Можно сказать, чисто информационно-изобразительное представление. Знакомство почти со всеми немецкими городами я начинал с вокзала. Для большинства моих сверстников во время войны единственно доступной возможностью путешествовать были различные перемещения с военным транспортом или поездки в отпуск. Через Нюрнберг таким образом я проезжал несколько раз. Я знаю вокзал, припоминаю зал ожидания, где ел сосиски. Таким было обычно моё первое соприкосновение с большинством немецких городов. Впервые я посетил Нюрнберг достаточно поздно и коротко, в 1961 г.

Кестен: Почувствовали ли Вы архитектурную или историческую красоту города? Нюрнбергу судьбой было уготовано трижды обрести мировую известность. Впервые – во времена Ренессанса и гуманизма, Альбрехта Дюрера и Пиркхаймера; второй раз его открыли романтики Вакенродер и Тик, тогда и появилось ошибочное приторно-романтическое представление о старонемецком Нюрнберге; и в третий раз – в наше время, благодаря партийным съездам и Нюрнбергским законам.

Бёлль: У меня и моей жены антипатия к старонемецкости. Это очень странно. Старонемецкие пивные, винные ресторанчики и законсервированные города, такие как Целле, Гейдельберг и Ротенбург, нас просто отпугивают. Я думаю, причина кроется где-то глубоко. После войны мы жили в одном совершенно разрушенном городе, и там нам, собственно, было очень хорошо – как это зловеще ни прозвучит, так как послевоенные руины воспринимались нами подсознательно вполне уместными. И каждый не разрушенный войной город при посещении внушал нам страх. Я помню, однажды мы были в Гейдельберге, и там нас буквально прошиб холодный пот. Это следствие нашего предубеждения к консервации типично немецкого в градостроении, даже самого прекрасного. Это же предубеждение у меня и к Нюрнбергу, его архитектуре. Хотя я мог бы вообще не иметь предубеждения к этим городам, даже если там и проходили партийные съезды. Я не думаю, что за деяния отдельных членов семьи ответственность должна быть переложена на всю семью. Кстати, разрушенного Нюрнберга я не видел. Возможно, в этом случае у меня к нему было бы другое отношение. Вы меня понимаете?

До сих пор мы, я и моя жена, избегаем не пострадавших в войну городов. Это у нас общее, так же как и восприятие войны, мы её вместе пережили. Особенно тяжело это было видеть в ГДР, где осталось очень много маленьких, уцелевших

Распятие (1516–1520), Файт Штосс, церковь Св. Лоренца, Нюрнберг.

Самое позднее из Распятий, выполненных художником, уже монохромное изображение. Круговорот складок набедренной повязки Христа напоминает одеяние Рафаэля в скульптурной группе Рафаэль–Тобиас (Стр. 175).

жили ему образцом истинной веры. Под защитой Городского совета эти раритетные произведения избежали уничтожения в период религиозной смуты в 1525 г., так как все они были созданы на пожертвования семей членов Городского совета или их предков. К счастью, через 400 лет эти ценности, своевременно спрятанные в бункере в скале, были спасены от разрушения ещё раз.

В церкви хранятся 13 алтарей, попавших сюда за последние несколько столетий из разрушенных церквей и расформированных монастырей. В центре левого (северного) нефа нельзя не заметить богатую ложу-капеллу, принадлежавшую семье Имхоффов. В 1470 г. богатый купец и аристократ Ганс Имхофф Городским советом был назначен попечителем строящейся церкви Св. Лоренца. Им и была

запланирована эта капелла. До Реформации в церквях не было скамеек для прихожан, все, кроме тех, кто принимал участие в богослужении в этой ложе, стояли.

Старейшей скульптурой в церкви, а может быть, и в Нюрнберге является фигура Богородицы с младенцем Христом (1280-90) у одной из колонн северной стороны главного нефа. На ней ещё можно увидеть следы позолоты. К этому единственному в своём роде произведению нюрнбергской пластики в 1360 г. слева были добавлены фигуры трёх Королей (Волхвов), символизирующих три известных в то время континента. Ближе всех к Мадонне стоит коленопреклонённый король Бальтазар, олицетворяющий старую Европу. Король Мельхиор среднего возраста символизирует Азию. Третий экстравагантно и модно одетый король Каспар представляет самый молодой в то время континент Африку.

Бронзовый светильник, висящий в центре главного нефа, **был отлит в мастерской Петера Фишера** в 1487 г. Двенадцать его свечей соответствуют апостольским фигурам, стоящим у колонн главного нефа (ок. 1380-90). При переходе в хор над Триумфальной аркой висит большое Распятие (ок. 1400), а в хоре церкви господствуют два выдающихся произведения искусства – **венок «Благовещение» Файта Штосса и сакраментхаус Адама Крафта**.

25 апреля 1493 г. Ганс Имхофф заключил договор с «мастером Адамом Крафтом, скульптором». Предметом договора был сакраментхаус. Заказчик сам детально разработал иконографическую программу, которую Крафт блистательно и неповторимо исполнил за три года. На основании всего в один квадратный метр возвышается сооружение из серого песчаника высотой более 18-ти метров, достигающее свода и там закругляющееся. О значении фигур, держащих сакраментхаус, можно лишь строить догадки. Это фигуры трёх мужчин разных возрастов. Считается, что в центральной Крафт изобразил себя (*подробнее в гл. об А. Крафте*).

Рассматривая ажурную балюстраду сакраментхауса, едва ли можно поверить, что узор высечен из камня. Её украшают семь фигур святых, среди них фигуры святых Лоренца и Себальда. В ларце за позолоченными решётчатыми дверцами в виде освящённой просфоры хранилось «тело Христа». Скульптурные сцены, размещённые выше, – рассказ о Страданиях, Смерти и Воскресении Христа.

Огромный позолоченный венок «Благовещение» в центре хора выполнен Файтом Штоссом на пожертвование патриция Антона II Тухера, богатейшего и занимающего высокое положение в городе (*подробнее в гл. о Ф. Штоссе*). Штоссу к этому времени уже было около 70 лет. Всего 15 месяцев ушло у него на исполнение этого заказа. Композиция подчинена структуре чётков: фигуры Девы Марии и архангела Гавриила обрамлены венком из 55 позолоченных роз, разделённых на 5 групп по 11 штук в каждой. Дева Мария, услышав от архангела Гавриила известие, от неожиданности роняет книгу Ветхого завета, что символизирует приход Нового времени. Правую руку она непроизвольно прижимает к груди, как это сделал бы любой франконец в изумлении, воскликнув «Allmächt!» (Боже всемогущий!). На пяти маленьких медальонах венка представлена жизнь Христа: Рождество, Поклонение Волхвов, Воскресение, Вознесение Христово, Сошествие Св. Духа на апостолов. На двух медальонах вверху – Моление Марии перед смертью и Успение Марии. Венчает сцену фигура Бога-отца, держащего в руках земной шар.

Сакраментхаус в хоре церкви Св. Лоренца. Адам Крафт.

Хор церкви с Венком «Благовещение» Файта Штосса.

Висящий рядом железный позолоченный «Светильник Марии» был отлит специально для освещения «Благовещения» в литейной мастерской Пульмана. Он также имеет структуру чёток и состоит из пяти кронштейнов, на каждом из которых стоят 11 подсвечников. В каждой группе один из подсвечников поставлен чуть выше остальных десяти. Светильник венчает фигурка Марии с лилией, символом чистоты (Файт Штосс, липа).

У современного алтаря висит «Распятие» (Файт Штосс, липа, стр. 163). На кресте человек в расцвете сил, виден каждый его мускул и каждый шип в венце, один из них впился в бровь. Распятие выполнено на несколько лет позже венка «Благовещение», когда господствовал другой стиль, поэтому изображение уже монохромно.

У северной стены хора находится **алтарь Деокаруса**, старейший в церкви. Деокарус (ум. 832), духовный отец кайзера Карла Великого, был настоятелем монастыря в городе Херриден в Альтмюльталь. Община церкви Св. Лоренца почувствовала себя обделённой, когда в церкви на северном берегу Пегница появились мощи святого Себальда. Но случай помог общине в осуществлении их мечты. При взятии городка Херриден (битва короля Людвига Баварского с Фридрихом Красивым из династии Габсбургов) благодаря одному бдительному нюрнбержцу удалось спасти от поджога военный лагерь. В порыве благодарности Людвиг предложил нюрнбержцам выполнить любую их просьбу. У горожан было только одно горячее желание – иметь мощи местного франконского святого, известного не только в округе. В 1316 г. король подарил городу взятые из имперского монастыря в Херридене мощи святого Деокаруса. Так как основная часть мощей святого хранилась в Риме в церкви Сан-Лоренцо, то община церкви была очень горда, когда получила такой дар от короля. Святого Деокаруса почитали не менее, чем святого Себальда. Событие принятия мощей отобразено на створках пределлы алтаря и на его оборотной стороне. Как выглядел сам алтарь в то время, можно увидеть на левой створке пределлы. Этот алтарь был освящён в 1437 г. При переходе Нюрнберга к Баварии останки святого были отправлены в епископство Айхштетт (Бавария), а ларец был переплавлен и продан.

Интересен **алтарь Св. Иоанна**, следующий за алтарём Деокаруса, самый поздний из собранных в церкви Св. Лоренца. Раньше он стоял у перехода из центрального нефа в хор и служил для причащения. В центре алтаря размещена группа «Тайная вечеря» с фигурами из чистой глины. Алтарь был выполнен на пожертвования семьи Имхоффов, герб которой украшает нижнюю его часть, а освящён – в честь святых Иоанна Крестителя и Иоанна Евангелиста, их скульптуры фланкируют основной корпус. За решёткой видны реликвии – локтевая и лучевая кости человеческого скелета. С этим алтарём связана одна легенда. После окончания какого-то большого праздника в доме Имхоффов слуга не досчитался одного из серебряных

Роза западного портала в обрамлении органных труб.